А. В. Майоров
ORCID: 0000-0001-8212-7467
✉ *a.v.maiorov@gmail.com*
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия

Аннотация. Заметный в новейшей литературе скепсис в отношении «Повести о разорении Рязани Батыем» обусловлен, с одной стороны, недоказанным мнением о позднем происхождении памятника, с другой — отношением к нему только как к литературному произведению, порожденному художественным вымыслом автора. Ключевые эпизоды повести, касающиеся мирных переговоров с предводителем монголов и полученных от него брачных предложений, находят прямые и косвенные соответствия с историческими реалиями времен монгольских завоеваний и создания универсальной империи монголов. Требования, касавшиеся жены рязанского князя, и убийство последнего за отказ от их исполнения могли быть целенаправленной провокацией, предпринятой Бату, чтобы создать повод для выгодного Джучидам изменения направления главного удара монголов. Описанная в повести атака рязанцев на ставку Бату, предпринятая в ответ на убийство князя Федора, не противоречит, а скорее, наоборот, согласуется с общей картиной монгольского завоевания Рязанской земли, подтверждаемой совокупностью данных всех известных ныне источников. В ответ на эту атаку предводители монголов должны были отказаться от первоначального плана мирного подчинения Северо-Восточной Руси и существенно скорректировать стратегию Западной кампании в целом.

Ключевые слова: Великий Западный поход монголов, «Повесть о разорении Рязани Батыем», русские летописи, Чингисхан, Угэдэй

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 21-18-00166. Эта статья представляет собой расширенную версию другой моей статьи, готовящейся к публикации на английском языке [Maiorov 2021a]. Благодарю А. А. Горского, Ю. И. Дробышева, Д. А. Коробейникова, Н. Н. Крадина, Стивена Поу, Р. Ю. Почекаева, В. В. Трепавлова и Романа Хауталу за ценные советы и помощь в работе.

© А. В. МАЙОРОВ

Для цитирования: *Майоров А. В.* Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 124–199. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199.

Статья поступила в редакцию 23 августа 2020 г.
Принято к печати 9 марта 2021 г.

A. V. Maiorov

ORCID: 0000-0001-8212-7467
✉ *a.v.maiorov@gmail.com*
St. Petersburg State University
(Russia, St. Peterburg)

Woman, diplomacy and war: Rus princes in negotiations with Batu on the eve of the Mongol invasion

Abstract. The scepticism found in recent publications with regard to the *Tale of the Destruction of Ryazan by Batu* is due, on the one hand, to the unsubstantiated opinion about the late origin of the tale, and, on the other hand, to its treatment exclusively as a literary work created by the artistic imagination of the author. Key episodes of the tale, concerning peace negotiations with the leader of the Mongols and the marriage proposals received from him, find direct and indirect correspondence with the historical realities present in the times of the Mongol conquest and the establishment of the global Mongol empire. The demands concerning the wife of the Ryazan prince and the murder of the latter for refusing to comply with them could have been a deliberate provocation undertaken by Batu in order to create a pretext for changing the direction of the main attack of the Mongols to the advantage of the Jochids. The attack of the Ryazan princes on Batu's headquarters in response to the murder of Prince Fedor, described in the tale, does not contradict, but rather, quite the opposite, conforms to the general picture of the Mongol conquest of the Ryazan land, supported by the cumulative evidence from all currently known sources. In response to this attack, the leaders of the Mongols had to abandon their original plan for peaceful subjugation of Northeast Rus' and substantially change the strategy of the Western Campaign as a whole.

Keywords: Great Western campaign of the Mongols, "Tale of the destruction of Ryazan by Batu", Russian chronicles, Chinggis Khan, Ögedei

© A. V. MAIOROV

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (Rossiiskii nauchnyi fond), Project 21-18-00166. This article is an expanded version of another article of mine, which is being prepared for publication in English [Maiorov 2021a]. I am grateful to Anton A. Gorsky, Yuri I. Drobyshev, Dimitri Korobeinikov, Nikolai N. Kradin, Stephen Pow, Roman Yu. Pochekaev, Vadim V. Trepavlov, and Roman Hautala for valuable advice and help in the work.

To cite this article: Maiorov, A. V. (2021). Woman, diplomacy and war: Rus princes in negotiations with Batu on the eve of the Mongol invasion. *Shagi / Steps, 7*(3), 124–199. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199.

Received August 23, 2020
Accepted March 9, 2021

Введение

Как полагал Томас Оллсен, Северо-Восточная Русь — Рязанская и Владимиро-Суздальская земли — не являлась главной стратегической целью Великого Западного похода монголов (1236–1242 гг.), направленного прежде всего против западных кипчаков (куманов, или половцев). Подчинение Волжской Булгарии и русских княжеств, а также вторжение в Центральную Европу были лишь вспомогательными мерами, способствовавшими достижению этой главной стратегической цели [Allsen 1983a: 22].

Подобные идеи высказывали также Л. Н. Гумилев и другие исследователи: Западный поход монголов лишь на некоторое время должен был отклониться от своего прямого пути по причине упорного сопротивления на Дону половцев, которых завоеватели разбили, обойдя через земли Северо-Восточной Руси и ударив с тыла, после чего вернулись к своему основному маршруту [Гумилев 1989: 506–508] (см. также: [Кривошеев 2015: 140–141]). Высказывались также предположения, что «монголы Бату-хана, планировавшие поход в глубь Европы, в 1237–1240 гг. не рассматривали Русь как свое будущее владение; их заботила лишь добыча да потребность обезопасить свой правый фланг и тыл, поэтому нашествие носило чрезвычайно опустошительный характер» [Хорошкевич, Плигузов 1989: 21].

В самом деле, покрытые густыми лесами и болотами земли Северо-Восточной Руси были непригодны для скотоводства, а их сравнительно бедное население, рассредоточенное на огромных и труднопроходимых для степняков пространствах, не могло обеспечить завоевателям таких доходов, какие они получали с богатых и густонаселенных областей Китая, Ирана и Средней Азии. Это значит, что выгоды от завоевания Руси для монголов (которых на Руси, как и вообще на Западе, называли татарами) были бы не столь очевидными в сравнении с неизбежно возникавшими при этом затратами и потерями.

Однако эта общая оценка, верная с точки зрения глобальных интересов Монгольской империи, не учитывает, что наряду с общемонгольскими задачами судьбу Западного похода в значительной мере определяли более локальные силы, связанные с политическими интересами Джучидов — потомков старшего из сыновей Чингисхана. Для этих последних подчинение Руси не могло быть лишь вспомогательной операцией, обеспечивавшей успех на главном направлении наступления на запад. С самого начала планирования Западного похода Русь была выбрана как одна из главных его целей. Вместе с Волжской Булгарией она непосредственно граничила с территорией улуса Джучи, расширение которого было столь же важной задачей всей кампании, как и завоевание кипчаков [May 2018: 108]. Не случайно главным предводителем похода был назначен Бату (Батый), сын и наследник Джучи. В результате именно Джучиды оказались главными выгодоприобретателями, присвоившими в конечном счете почти все плоды Западной кампании, которая по своим целям и составу участников носила общемонгольский характер.

Сакральный идеал глобальной империи, созданный Чингисханом и питавший претензии на мировое господство его преемников, предполагал постоянное расширение сферы монгольских завоеваний. Альтернативой военному подчинению могло быть только добровольное признание власти великого хана (подробнее см.: [Maiorov (forthcoming)]). В случае Северо-Восточной Руси мирная альтернатива для монголов, как кажется, была более предпочтительной, и первоначально они намеревались следовать ей, сохранив свои силы для войны с куманами и их главным союзником на Западе — Венгерским королевством. Этим объясняются мирные предложения, сделанные Бату в адрес рязанского и владимиро-суздальского князей.

Однако, несмотря на проявленное в ходе обмена послами взаимное стремление русских князей и монголов избежать военного столкновения и готовность русской стороны обсуждать требования завоевателей, казавшиеся более легкими, чем возможные последствия их отклонения, мирные переговоры с Бату, едва начавшись, закончились полным провалом. В результате главные силы монголов, мобилизованные для войны с куманами и похода в Центральную Европу, были переброшены на север, — Рязанская, а затем Владимиро-Суздальская земли подверглись самому тяжелому в своей истории разрушению, сопровождавшемуся массовой гибелью населения.

Закономерный вопрос, как и почему отношения с монголами стали развиваться по самому тяжелому для Северо-Восточной Руси сценарию, давно интригует историков. Однако он по-прежнему остается нерешенным. Это объясняется главным образом состоянием первоисточников. Русские летописи содержат лишь скудные и часто противоречивые свидетельства, недостаточные для понимания причины, предопределившей срыв мирной альтернативы русско-монгольских отношений.

Некоторые дополнительные сведения о первых контактах русских князей с монголами, дошедшие до нас в памятниках средневековой литературы и фольклора, большинством современных исследователей воспринимаются как позднейший вымысел, далекие от исторической реальности анекдоты, возникшие в результате тотальной переоценки истории русско-монгольских отношений, происходившей уже после освобождения от монгольского вла-

дычества. Конечно, для этой общей оценки существуют весомые основания. Однако, на наш взгляд, в каждом подобном случае требуется индивидуальный и более взвешенный подход, при котором ни один средневековый источник не может быть отброшен без тщательной и всесторонней проверки.

Предлагаемый нами подход состоит в том, чтобы оценивать факты русско-монгольских отношений, известные главным образом по русским источникам, в общемонгольской имперской перспективе. Такая возможность обеспечивается существованием нескольких монгольских или промонгольских исторических нарративов XIII–XIV вв., главными из которых являются «Тайная история монголов» (ок. 1240 или 1252 г.), «История завоевателя мира» Джувейни (ок. 1260 г.), «Сборник летописей» Рашид ад-Дина (ок. 1310 г.) и китайская официальная история династии Юань («Юань-ши», ок. 1370 г.).

Необходимым дополнением и одновременно важной альтернативой для них могут быть отчеты латинских послов и миссионеров, прежде всего членов францисканской миссии во главе с Плано Карпини, посетившей ставки Бату и Гуюка во второй половине 1240-х годов, а также другие свидетельства западных современников, переживших монгольское нашествие. Кроме того, одновременно с завоеванием Руси и походом в Центральную Европу разворачивались активные действия на южном театре монгольского наступления на Запад — в Закавказье, Малой Азии, Северной Сирии и Южном Иране, — где с большим или меньшим успехом были реализованы те же завоевательные стратегии, что и в Европе. Возможность сравнительного изучения в данном случае обеспечивается существованием нескольких армянских, грузинских, персидских и арабских исторических нарративов, важнейшими из которых являются «История Армении» Киракоса Гандзакеци (ок. 1265 г.) и хроника Сельджукского султаната Насиреддина Яхьи ибн Меджеддина Мехмеда, более известного как Ибн Биби (ок. 1285 г.).

Монгольские ультиматумы

Готовясь к большой войне с половцами и стремясь обезопасить свои северный фланг и тыл, монголы одновременно рассчитывали увеличить свои материальные и людские ресурсы. Это объясняет требования захватчиков, которые русские князья никогда ранее не получали от степняков: подойдя к границам Рязанской земли (конец лета 1237 г.), предводитель монголов через послов потребовал «десятой доли от всего: людей, князей и лошадей» [ПСРЛ (3): 74]. Тем самым рязанцам была предоставлена возможность мирно подчиниться путем мобилизации своего народа и скота в монгольскую армию, а также предоставления заложников из числа князей.

По мнению побывавшего на Руси брата Иоанна (Джованни дель Плано Карпини), папского посланника к монголам, подобный ультиматум был обычной практикой завоевателей, которые в обмен на мир требовали от своих противников, «чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества» [ПК: 55 (VII.2); РС: 285].

Это сообщение почти дословно повторяет Симон де Сен-Квентин, участник еще одного папского посольства к монголам:

> …вот что они требуют от тех, кого они покоряют: а именно, чтобы они шли с ними в их армии против всякого человека и чтобы они отдавали татарам десятую часть всего, даже людей или любых других вещей [SQ XXX.83].

Правда, отчет Симона дошел до нас только в изложении Винсента из Бове, который не только отредактировал его, но и дополнил сведениями, взятыми из отчета Плано Карпини. В итоге оба текста нередко очень близки и даже повторяют друг друга.

Однако в нашем распоряжении есть несколько независимых свидетельств из других синхронных источников. Одновременно с вторжением в Восточную Европу монголы, как уже говорилось, начали наступление на Кавказе и в Малой Азии. Примерно за год до того, как рязанский и владимиро-суздальский князья получили ультиматум Бату, подобные требования были предъявлены правителям Грузии и Румского султаната.

В год Обезьяны, соответствовавший 633 году хиджры (16 сентября 1235 г. — 3 сентября 1236 г.) в Рум прибыло монгольское посольство во главе с эмиром Шамс ад-Дином Умаром Казвини, доставившее послание великого хана Угэдея султану Кей-Кубаду. Текст этого документа воспроизводит персидский историк Румского султаната Ибн Биби. Хан потребовал от султана признания вассальной зависимости в обмен на сохранение своей власти и интеграцию султаната в глобальную империю монголов. Чтобы выразить свою покорность, Кей-Кубад должен был совершить личный визит в Каракорум, новую столицу империи, и принести присягу на верность хану. Благодаря скрупулезности Ибн Биби мы знаем, что послание хана именовалось *ярлыком* (*Jarlig*) и содержало следующий текст:

> Мы слышали хорошие слова о том, как ты правишь и обращаешься с подданными, мы весьма одобряем, что грядущие и прошедшие тобой довольны. И мы выражаем тебе нашу благосклонность и желаем, чтобы ты в правлении твоем оставался радостен и благополучен. Поскольку Всевышний Бог создал нас великими и могущественными и даровал нашему племени поверхность Земли, а ты идешь по одобренному пути, то мы сочли за благо объявить тебе нашу волю и пригласить на путь союза и подчинения. Поскольку мы объявили нашу волю, то пусть наша армия не вторгнется в твою землю, как это будет сделано с теми, кто не пойдет на союз с нами и окажет неповиновение, — они будут убиты, а их женщин и детей обратят в рабство, имущество разграбят, а владения уничтожат, и всем им причинят зло. Писано в год Обезьяны [IB: 194–195].

Прочитав это послание, султан провел тайные переговоры с главным монгольским послом, рассчитывая на его откровенность как единоверца. В ходе разговора Кей-Кубад высказал свои подозрения в отношении действительных намерений монголов: «Как только мы станем союзниками, они возжелают нашего королевства». В ответ Шамс ад-Дин стал всячески убеждать султана, что его опасения напрасны и что выгоды от мирного подчинения монголам перевесят потери:

> Союз с ними будет означать только то, что каждый год посольство должно приходить к ильхану, и тот, кто будет приносить им малую часть от одежды, гниющей в кладовых, от лошадей, стареющих в грязи на конюшнях, и от золота, что портится под землей, будет считаться равным им внешне и внутренне [Ibid.: 195–196].

В итоге султан принял решение признать верховную власть хана.

В том же 1236 г. монголам подчинился атабек Аваг, один из правителей Грузинского царства. Этому предшествовали его мирные переговоры с завоевателями, в ходе которых выдвигались требования, подобные тем, что были предъявлены румскому султану. Согласно Киракосу Гандзакеци, к Авагу, укрывшемуся в труднодоступной горной местности, монголы «посылали посольства [с предложением] покориться и без страха служить им. Посылали много раз и говорили одно и то же. А тот, желая смягчить их, отдал им дочь свою и много сокровищ, надеясь, что они ослабят осаду. Но они, приняв посланное, с еще большей строгостью требовали его [покорности]» [КГ: 164; KG: 217].

Когда же после долгих колебаний Аваг, наконец, согласился подчиниться монголам, его доставили к их предводителю, нойону Чормагану. Аваг принес ему присягу, после чего монголы стали относиться к нему как к союзнику. В честь Авага был устроен пир, и Чормаган «велел всем войскам своим не осаждать крепости и города, принадлежащие ему. И страна его вздохнула спокойнее, множество пленных ради него было отпущено на свободу. [Чормаган] возвратил [Авагу] всю его страну и даже, более того, утвердил нерасторжимую дружбу с ним. И, взяв с собой [Авага] и все свое войско, пошел на город Ани» [КГ: 165; KG: 219–220].

Оба приведенные нами свидетельства показывают, что мирное подчинение монголам, предлагавшееся в качестве альтернативы разрушительному и губительному завоеванию, предполагало исполнение нескольких обязательных условий. Прежде всего подчинившийся правитель должен был совершить визит и принести личную присягу правителю монголов (или его наместнику). Другими обязательными условиями были выплата ежегодной дани и / или участие в дальнейших завоеваниях монголов во главе воинских формирований, мобилизованных из своих соплеменников. В некоторых случаях дополнительным условием мог стать брачный союз, связывающий вновь подчинившегося правителя с одним из правителей монголов.

Как будет показано ниже, подобную стратегию мирного подчинения монголы одновременно пытались реализовать в Северо-Восточной Руси, предъявляя ультиматумы рязанскому и владимиро-суздальскому князьям. Как и рязанцы, великий князь Юрий Всеволодович вступил в мирные переговоры с монголами и продемонстрировал свою готовность или по меньшей мере заинтересованность в установлении мира, которое было возможным тогда только на условиях, продиктованных Бату. Такой вывод следует из сообщения Лаврентьевской летописи о том, что владимиро-суздальский князь неоднократно принимал послов от Бату и в ответ на переданные ими мирные предложения отправил свои дары предводителю Западного похода [ПСРЛ (1): 468] (см. также: [Прохоров 1974: 87; Рудаков 2014: 73]).

Кроме того, владимиро-суздальский князь согласился выполнить важное дипломатическое поручение монгольского предводителя — передать венгерскому королю ультиматум с требованием о мирном подчинении. Иначе трудно объяснить, каким образом оригинал этого документа оказался в руках Юрия Всеволодовича и зачем великому князю понадобилось приглашать к себе венгерского доминиканца Юлиана (который не был королевским послом к нему, а скорее случайным миссионером, находившимся на Руси проездом), чтобы передать ему этот оригинал. В своем отчете Юлиан сообщает, что он не только лично встречался с великим князем, но и видел монгольских послов, доставивших ультиматум хана. Этот последний был сильно раздражен, не получив никакого ответа на свои многочисленные послания к венгерскому королю, отправленные прежде, и, видимо, поэтому решил прибегнуть к услугам русского князя. Скрывая свои намерения, Юрий Всеволодович сказал Юлиану, что он будто бы взял в плен монгольских послов и перехватил бывшее при них послание [Dörrie 1956: 178; Хаутала 2015: 388–389]. Не сумев доставить его в Венгрию более коротким путем через половецкие степи, монголы использовали владимиро-суздальского князя, заинтересованного в мире с ними, как своего дипломатического агента. Завоеватели особо ценили дипломатических посредников, которые могли убедить правителей других государств принять мирные условия подчинения и неоднократно обращались к помощи таких посредников в период своей экспансии на Запад (см.: [Jackson 2016: 76–77]).

Поздний анекдот или достоверное свидетельство?

Старшие русские летописи содержат только краткие сведения о судьбе Рязани: на мирные предложения монголов рязанские князья ответили решительным отказом и погибли в неравном бою с захватчиками. Другую, более разработанную в деталях версию передает «Повесть о разорении Рязани Батыем», известная как часть цикла рязанских повестей о Николе Зарайском (составленного из текстов различного происхождения в 1530–1560-е годы) [Поппэ 1985]. Эта версия существенно дополняет общую картину борьбы рязанцев с монголами, но вместе с тем ставит перед исследователем новые трудноразрешимые задачи.

Прежде всего остается открытым вопрос о времени создания повести: его располагают в широком хронологическом интервале от второй половины XIII до второй половины XVI в. Аргументы Б. М. Клосса [2001: 411–456] в пользу поздней датировки памятника (1560-е годы) подверглись обстоятельной критике, выявившей их слабость, обусловленную недостатками в методике исследования [Лобакова 2005]. Изучение взаимоотношений повести с другими произведениями древнерусской литературы, проведенное Д. С. Лихачевым и его последователями, с не меньшими основаниями позволяет заключить, что этот памятник складывался поэтапно, и его древнейшая основа может быть датирована первой половиной XIV или даже второй половиной XIII в. [Лобакова 1993; 2006 (здесь же обзор предшествующей литературы)].

То же самое следует сказать и о других произведениях Николозарайского цикла. Комплексный анализ всех известных ныне источников позволяет ут-

верждать, что в основе заглавной «Повести о перенесении чудотворного образа Николы Заразского» лежат реальные факты: в частности, устанавливается почитание образа Николы Корсунского (Зарайского) уже в предмонгольские десятилетия и в середине — второй половине XIII в. (см.: [Мазуров 2020]).

Хотя в целом «Повесть о разорении Рязани» была окончательно оформлена, скорее всего, только в XVI в. и поэтому изобилует неточностями и недостоверными сведениями, она создавалась на основе более ранних источников. По мнению А. А. Горского [1992: 136–137], один из них представлял собой поэтическое повествование о монгольском нашествии, с которым мог быть знаком автор «Задонщины» — еще одной воинской повести Древней Руси, посвященной борьбе с монголами, — и с этим не дошедшим до нас памятником рязанской литературы может быть связано «поминовение» автором «Задонщины» Софония Рязанца.

Разумеется, «Повесть о разорении Рязани Батыем» не является документальным описанием борьбы рязанцев с монголами. Перед нами литературное произведение, созданное по своим жанровым законам. Вместе с тем давно установлено, что рассказ о нашествии монголов на Рязань, читающийся в Новгородской первой летописи (Синодальный список), содержит целый ряд текстуальных совпадений с «Повестью о разорении Рязани Батыем». Нельзя исключать, что оба эти повествования восходят к общему источнику, который в Новгородской первой летописи был значительно сокращен, а в «Повести о разорении Рязани» расширен вставками [Лихачев 1963: 51].

Жанровой основой «Повести о разорении Рязани» является летописная повесть. Этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется особый интерес к ней со стороны историков, которые со времен Н. М. Карамзина в целом воспринимают это литературное произведение как исторический источник, сопоставимый по своему значению с летописями, хотя и требующий осторожности и критической проверки (из новейших работ см.: [Fennell 1983: 78–79, 88; Halperin 2009: 37–42; Кривошеев 2015: 125–127, 136–140; Хрусталев 2015: 137–141, 143–145]). Особой бдительности, разумеется, требуют те эпизоды повести, которые не имеют прямого подтверждения в русских летописях и как бы дополняют ее древнейшую основу, отразившуюся в Новгородской первой летописи. Некоторые из них мы рассмотрим ниже.

Прежде всего наше внимание привлекают сохранившиеся в повести оригинальные сведения, которые позволяют объяснить, почему монголы изменили свои первоначальные планы военных действий на Западе и, отложив на несколько лет войну с половцами и венграми, обрушили свой главный удар на Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли. В тщательно отредактированных русских летописях не найти объяснения этому неожиданному повороту. Недоумение еще более усиливается, если учитывать, что рязанские князья и их сюзерен, великий князь Юрий Всеволодович, вступили в мирные переговоры с монголами и готовы были обсуждать предложенные Бату условия мирного подчинения.

Вне зависимости от того, в какое время и с какой целью была создана повесть, содержащиеся в ней уникальные сведения о мирных переговорах рязанцев с монголами и их провале сегодня предоставляют единственную возможность найти ответ на главный вопрос нашего исследования: почему русским

князьям и предводителю монголов не удалось договориться о мире, несмотря на взаимную заинтересованность и даже некоторую готовность русской стороны к поиску компромисса, чтобы избежать тем самым более тяжелых последствий от прямого столкновения с превосходящими силами захватчиков.

Рязанская повесть и новгородская летопись

В «Повести о разорении Рязани» говорится, что в 7645 (1237) г. «пришел безбожный царь Батый на Русскую землю», стал лагерем на реке Воронеж и прислал к рязанскому князю Юрию Ингваревичу (Игоревичу) послов, «прося десятины во всем: в князьях, и во всяких людях, и во всем». Обратившись за помощью к великому князю Юрию Всеволодовичу Владимиро-Суздальскому и не получив ответа, рязанский князь, собрав своих братьев, на общем совете с ними решил начать мирные переговоры с монголами. Для переговоров в ставку Бату прибыл молодой князь Федор, сын Юрия Ингваревича, «с дарами и великими мольбами не воевать Рязанской земли». По началу переговоры с монголами шли успешно: Бату благосклонно принял дары и «обещал не ходить войной на Рязанскую землю».

Однако затем Бату предъявил новые требования: «И начал просить у рязанских князей дочери или сестры себе на ложе». В этот момент кто-то из «рязанских вельмож из зависти нашептал» Бату, что князь Федор Юрьевич «имеет княгиню царского рода, прекрасную собой». И тогда Бату, обуреваемый плотской страстью, потребовал: «Дай мне, князь, познать красоту твоей жены!» В ответ благоверный князь Федор засмеялся и сказал: «Не годится нам, христианам, приводить тебе, нечестивому царю, своих женщин на блуд, — когда нас одолеешь, тогда и будешь властен над нашими женщинами». Услышав это, Бату «разъярился и оскорбился и сразу же приказал убить» Федора. Когда Юрий Ингваревич узнал об убийстве сына, то вместе со своими братьями «начал собирать войско и расставлять полки» и затем первым атаковал татар «близ границ рязанских». Силы были неравными, и почти все рязанские князья и их воины погибли в «сече жестокой и ужасной». После этого татары начали разорять Рязанскую землю и «взяли город Рязань в декабре месяце в 21 день» [Повесть: 140–145].

Если сравнить этот рассказ с кратким сообщением Новгородской первой летописи, можно заметить, что между ними не только нет противоречий, но и оба повествования совпадают в основных пунктах. Согласно летописи, первым делом монголы захватили небольшой пограничный городок Нузлу (Нужа, Онуза), откуда и направили своих послов в Рязань. По поводу локализации Нузлы высказываются различные предположения [Хрусталев 2015: 334, примеч. 466; Андреев 2008, гл. 2]. На наш взгляд, она должна была располагаться где-то по течению реки Воронеж, вероятнее всего, в месте слияния Лесного и Польного Воронежа, в районе нынешнего села Новоникольское Мичуринского района Тамбовской области, где раскопано несколько поселений древнерусского времени (см.: [Андреев 2005]). У этого места заканчивалась древняя Ногайская дорога, которой пользовались средневековые кочевники для набегов на Русь, и здесь проходил первый рубеж русской обороны [Попов 2019: 95].

Получив мирные предложения, рязанские князья вышли навстречу монголам и вместе со своими союзниками стали лагерем на другом берегу той же пограничной реки, вероятно, напротив Нузлы:

> Князья же рязанские Юрий, брат Ингваря, Олег, Роман Ингваревич, и муромские, и пронские [князья], не пуская [татар] к городам [своим], выехали против них на [реку] Воронеж [ПСРЛ (3): 74].

Едва ли русские князья собирались тогда воевать с монголами — военные действия в Рязанской земле начнутся позже, и о них в летописи сказано отдельно. Поэтому в приведенном сообщении скорее всего имелось в виду намерение рязанских, муромских и пронских князей провести переговоры с предводителем монголов. Прибывшие со своими боярами и дружинами русские князья одновременно должны были продемонстрировать свою военную силу и боеготовность. О самих переговорах летописец ничего не сообщает, ограничившись только финальным заявлением русских, почти полностью совпадающим со словами князя Федора в «Повести о разорении Рязани»: «Когда нас всех не будет, то все это ваше будет» [Там же].

На переговоры рязанские князья прибыли в сопровождении монгольских послов, ранее отправленных к ним Бату, и затем, вероятно по просьбе последнего, перенаправили этих послов к владимиро-суздальскому князю Юрию Всеволодовичу. Летопись упоминает также рязанское посольство к Юрию Всеволодовичу с просьбой о помощи против татар: «Послали же рязанские князья к Юрию Владимирскому, прося [прислать] помощь, или самому прийти». Наконец, в финале повествования рязанцы отослали к Бату его представителей, находившихся в русском лагере, что должно было обозначать окончание мирных переговоров: «…и оттуда пустили татар к Нузле (в летописи — Нухле. — *А. М.*) в Воронеж» [Там же].

Изобилующее многочисленными деталями сообщение Новгородской первой летописи должно было возникнуть на основе какого-то рязанского источника, возможно, не дошедшей до нас рязанской летописи, рассказ которой, в свою очередь, мог быть составлен со слов непосредственного очевидца или даже участника описываемых событий. Об этом свидетельствуют слова, завершающие рассказ о переговорах с монголами, приведенные от первого лица: «Господь отнял у нас силу и вложил в нас недоумение, и грозу, и страх, и трепет за грехи наши» [Там же: 75].

Вместе с тем остается неясным, по какой причине переговоры рязанских князей с Бату были прерваны, что помешало сторонам договориться о мире и почему, сделав мирные предложения рязанцам, монголы в итоге обрушились на них всей своей военной мощью. Свойственная русским летописцам XIII — начала XIV в. концепция Божьего гнева, трактующая монгольское нашествие как наказание за грехи, приводила к тому, что некоторые факты сопротивления захватчикам оставались без должного внимания, понимаемые как тщетные попытки воспротивиться Божьей воле. Однако по мере политического усиления Руси и освобождения от власти монголов интерес к таким фактам усиливался, и как следствие этого в более поздних источниках стали появляться различные сведения о сопротивлении захватчикам, происходившем уже во времена Батыева нашествия. В Никоновской летописи, например, рязанские

князья вышли к Воронежу, чтобы вступить в бой с монголами, но силы оказались неравными:

> …была злая сеча, и одолели безбожные Измаильтяне, и бежали князья в свои города. Татары же, сильно рассвирепев, с великой яростью стали завоевывать Рязанскую землю… [ПСРЛ (10): 106].

Благодаря дополнительным сведениям «Повести о разорении Рязани», конкретизирующим краткое сообщение Новгородской первой летописи, мы получаем более полное представление о мирных переговорах с Бату и знаем о еще одном их участнике с русской стороны — молодом рязанском князе Федоре Юрьевиче, лично встречавшемся с Бату в его походном лагере в Нузле и выполнявшем роль посредника между ним и своими старшими родственниками, находившимися где-то неподалеку.

Насколько достоверны сообщения рязанской повести? В какой мере они могут соответствовать историческим реалиям середины XIII в.? Несколько попыток найти ответы на эти и подобные вопросы пока не дали убедительных результатов. В новейшей литературе в целом преобладает скептическое отношение к оригинальным известиям «Повести о разорении Рязани».

Преодолеть эту тенденцию недавно попытался Ю. В. Кривошеев. По мнению историка, требование женщин покоренной страны было обычной практикой монголов. Не получив от русских добрых коней, Бату «в полном соответствии со степными законами решил восполнить этот недостаток “прекрасными девами” рязанцев». Монголы могли отнимать и замужних женщин у тех, кого считали своими врагами. Вместе с тем исследователь замечает: в требовании, касавшемся рязанских княжон, «проглядывается стремление к породнению, что высоко ценилось у монголов, как знак дружественных, мирных отношений» [Кривошеев 2015: 137–138] (см. также: [Хрусталев 2015: 139–140]).

Заметим, однако, что подобные построения не лишены внутренних противоречий. Согласно повести, монголы потребовали у рязанских князей их женщин еще до того, как начались военные действия и произошли первые боевые столкновения. Следовательно, рязанские князья и Рязанская земля еще не были побеждены и завоеваны монголами, и, значит, последние еще не могли обращаться с рязанцами как с покоренными. В своем ответе князь Федор прямо указывает на это Бату: «…когда нас одолеешь, тогда и будешь властен над нашими женщинами». Если же видеть в требованиях Бату не только грубое унижение рязанских князей, но еще и «стремление к породнению» с ними, то последнее явно противоречит первому и даже исключает его. Выходит, что Бату, относясь к рязанцам как к завоеванному народу, обязанному поставлять ему своих женщин, одновременно подавал знаки дружбы рязанским князьям и даже имел намерение породниться с ними. Эти странные несоответствия остаются без разъяснения.

Таким образом, действительные намерения Бату в отношении рязанцев и сущность мирных переговоров с ними все еще остаются неразгаданными историками. Тем не менее выработанные в последнее время подходы к решению этой трудной проблемы создают важные предпосылки к тому, чтобы увидеть в русско-монгольских отношениях не только столкновение военно-

политических интересов, но и их более глубокие ментально-психологические основания, при том, что последние существенно влияли, а иногда даже предопределяли первые.

Династические браки в политической системе Монгольской империи

Описывая переговоры с монголами, средневековый русский автор, несомненно, исходил из своего понимания происходящего и поэтому вольно или невольно мог приписать монголам и их правителю побуждения и поступки, не соответствовавшие их действительным намерениям и поведению. В распоряжении исследователя нет альтернативного описания переговоров Бату с рязанским князем, с помощью которого можно было бы подтвердить, скорректировать или опровергнуть версию, изложенную в «Повести о разорении Рязани». Вместе с тем к настоящему времени накоплен значительный объем фактических данных, позволяющих установить типологическое соответствие рассказа рязанского книжника политической практике монголов периода великих завоеваний и создания универсальной империи — практике, включавшей не только грубую военную силу, но и различные технологии мирного подчинения, среди которых особую роль играли матримониальные связи и отношения.

Адресованные рязанцам требования, касавшиеся их женщин, складываются как бы из двух частей. Во-первых, Бату пожелал взять «себе на ложе» дочерей и сестер рязанских князей. С точки зрения монголов это означало, что их предводитель заявлял о намерении взять в свой гарем нескольких рязанских княжон в качестве новых жен или наложниц, часть из них, возможно, предназначалась для других монгольских принцев, участников Западного похода. Во-вторых, Бату потребовал себе замужнюю женщину, состоявшую в браке с молодым рязанским князем Федором, прибывшим к нему для переговоров.

Эти требования различаются между собой как по существу, так и по тону: если в первом случае Бату «просит» рязанских княжон у их отцов и братьев, что как бы соответствует этикету сватовства и напоминает брачное предложение (пусть даже и не отвечающее канонам христианского брака), то во втором случае его требование звучит безапелляционно и выглядит как грубое нарушение законности и приличия. Не удивительна и разница в реакции рязанцев: если против первого требования не последовало заметных возражений, то второе вызвало решительный протест и было отвергнуто как «блуд», т. е. грубое попрание христианского закона.

Рассмотрим требования Бату подробнее, в той последовательности, как они представлены в повести. Первое из них было адресовано, очевидно, не столько Федору Юрьевичу, сколько его отцу, старшему рязанскому князю Юрию Игоревичу, и его братьям, имевшим дочерей на выданье или незамужних сестер. Такая ситуация типологически близка или даже полностью соответствует практике мирного подчинения посредством брачных союзов, установленной самим Чингисханом, которой затем следовали его потомки.

Чингисхан широко использовал связи и обязательства, заложенные в отношениях между родственниками по браку, для подчинения других племен и народов, таких как онгуты, ойраты, уйгуры и карлуки, без необходимости их завоевания; подобные подчинения происходили путем браков дочерей и внучек Чингисхана с правителями указанных народов. Многие из собственных жен Чингисхана были дочерьми «завоеванных» народов, в том числе Хулан, Ибака, Есуй и Есугэн, а также цзиньская и тангутская принцессы, а среди «завоеванных» женщин, которые вышли замуж за его сыновей и внуков, были Дорегене, Огул-Гаймыш и Сорхахтани [Broadbridge 2018: 37, 40] (см. также: [Zhao 2008: 35–40]).

Одна из современных теорий состоит в том, что великие кочевые империи, предшествовавшие монголам, были конфедерациями различных народов во главе с правителями, которые поддерживали свою власть главным образом посредством брачных связей. Хотя Чингисхану приписывают разрушение системы конфедерации, в действительности он сам заключал браки в стиле конфедерации. Неудивительно, что самые важные из этих союзов были зарезервированы для детей его старшей жены. Пять дочерей Бортэ, все имена которых известны потомкам, заключили выгодные или даже блестящие браки с точки зрения богатства и статуса, а их мужья стали верными вассалами Чингисхана (см.: [Holmgren 1986: 164–167; Miyawaki-Okada 2007: 143]).

У правителей оседлых народов монголы брали их дочерей и других близких родственниц, становившихся женами или наложницами ханов и принцев, что укрепляло легитимность власти последних над вновь подчиненными народами. В конце своей первой крупной кампании против тангутского государства Си Ся (1209–1210) Чингисхан женился на принцессе Чахэ, дочери императора тангутов Сянцзуна, после того как правитель тангутов согласился стать вассалом Чингисхана, выплачивать ему значительную дань и обеспечивать военные поставки для будущих кампаний монгольской армии [Dunnell 2010: 64]. Еще одним приобретением такого же рода для Чингисхана в 1214 или 1215 г. стала дочь цзиньского императора Ваньяня Юнцзи, свергнутого и убитого в результате дворцового переворота [Martin 1950: 161–162, 170–171]. Принц Джучи, старший сын Чингисхана и отец Бату, женился на одной из дочерей свергнутого монголами хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда II, две других его дочери стали наложницами Чагатая, а остальные — женами второстепенных Чингизидов [Juvaini: 468] (см.: [Broadbridge 2018: 100, note 120]).

С другой стороны, дочери и внучки Чингисхана также внесли существенный вклад в создание Монгольской империи и в формирование ее вооруженных сил, выходя замуж за крупных представителей правящих династий, которые затем служили непосредственно Чингисхану в качестве командиров особых тысячных подразделений или вспомогательных армейских частей, а также становились губернаторами соответствующих территориальных единиц империи. Эти стратегические браки были важнейшим элементом реформ Чингисхана, в результате которых сформировался новый слой имперской элиты — *гурганы* ‘зятья’, составлявший как бы ее второй ярус после членов «золотого рода». С помощью своих женщин Чингизиды фактически создали небольшую конфедерацию (или очень большую расширенную семью) внутри

империи — конфедерацию Чингизидов, — тогда как остальная часть кочевого общества была раздроблена военными реформами армии. В отличие от этнического распыления, которое происходило в обычных армейских частях, солдатам имперских зятьев было позволено оставаться единым народом. Чингизиды предпочитали заключать многочисленные браки-«созвездия» с определенными правящими династиями. Это соответствовало степным традициям обмена браками, когда предпочтение отдавалось множественным связям между двумя семьями. После родственного слияния с важнейшими правящими семействами и «покорения» их народов без кровопролития Чингисхан с помощью своих зятьев смог затем завоевать менее податливые народы более кровопролитным путем [Broadbridge 2018: 107–109].

Таким образом, династические браки и породнение с Чингизидами правителей других народов, хотя и не отменяли факта подчинения последних, позволяли им избежать губительного столкновения с армией монголов. Становясь «семейными конфедератами» Чингизидов и отказываясь от своего внешнеполитического суверенитета, иностранные правители взамен получали возможность интеграции в правящую элиту Монгольской империи и сохраняли некоторую часть внутреннего суверенитета, оставаясь правителями своих народов в качестве вассалов хана. Одновременно становясь командирами соответствующих армейских подразделений, сформированных из своих соплеменников, они принимали участие в дальнейших завоеваниях монголов, получая свою долю военной добычи.

Стратегия семейной конфедерации на Западе

Подобную стратегию, неоднократно и с успехом применявшуюся в отношении различных народов и государств Центральной и Внутренней Азии, монголы, по всей видимости, намеревались использовать и в Европе, в том числе для подчинения русских княжеств. Альянсы с правителями граничащей со степью Рязанской земли, скрепленный узами сразу нескольких браков с рязанскими князьями (которые, насколько можно судить, предлагал им Бату), по замыслу монгольских стратегов должны были обеспечить их надежными союзниками как для последующего подчинения других русских земель, так и для участия в походе в Центральную Европу. Прозрачный намек на такую перспективу содержится в «Повести о разорении Рязани», согласно которой Бату, обещая не ходить войной на Рязанскую землю, «грозился-хвалился воевать землю Русскую», т. е. воевать против других русских земель [Повесть: 140–141].

Став зятьями Бату, рязанские князья получили бы возможность привилегированной интеграции в глобальную имперскую систему монголов не только в качестве командиров армейских частей, сформированных на основе этнической общности (т. е. в данном случае из жителей Рязанской земли), но и в качестве губернаторов соответствующих территориальных единиц.

По всей видимости, стратегия семейной конфедерации была использована монголами также в отношении других народов, населявших Восточную и Центральную Европу. Во время (или, возможно, накануне) Великого Западного похода Бату заключил союз с неким князем Карбоном (Carbon, Kartan),

скрепленный браком: тот женился на сестре Бату. Об этом зяте Бату как о местном правителе, кочевавшем вдоль течения Дона, дважды сообщает Плано Карпини (IX.13, IX.49), проезжавший через земли куманов в 1246–1247 гг. [РС: 309, 330–331; ПК: 70, 81–82]. И хотя личность Карбона не поддается идентификации [Pelliot 1973: 56], ясно, что речь идет о губернаторе одной из новых территориальных единиц Улуса Джучи, возникшей в результате завоевания степей Северного Причерноморья и Приазовья, ранее подконтрольных куманам [Трепавлов 2016b: 154; Черкас 2016: 160, 164].

Маловероятно, что Карбон мог быть Чингизидом. Скорее всего, перед нами случай брачного альянса старшего Джучида с предводителем одного из племен, признавших власть монголов. Учитывая разницу в написании у Карпини и Ц. де Бридиа (*Catran*, *Carton*, *Carbon*, *Tirbon*), В. В. Трепавлов предположил, что это не личное имя, а искаженный в латинской передаче титул, обозначающий зятя монгольского правителя — монг. *кюрген*, тюрк. *гур*(*а*)*ган*[1]. Таковым зятем Бату, на наш взгляд, мог быть один из местных кипчакских/куманских вождей, с помощью которого монголы нанесли поражение другим куманам и вытеснили их из Северного Причерноморья. В источниках неоднократно отмечены случаи перехода некоторых кипчакских племен на сторону монголов с последующей мобилизацией в монгольскую армию. По предложению Субедэя, одобренному Чингисханом, вскоре после победы над объединенным русско-половецким войском в битве на Калке в монгольской армии были созданы новые подразделения («тысячи»), состоявшие в том числе из кипчаков [Pow, Liao 2018: 58 (§ 121); Храпачевский 2009: 228]. Во время Великого Западного похода в армии Бату было сформировано еще одно кипчакское подразделение, состоявшее из *ольбери* (племя, обитавшее между реками Волгой и Уралом) (см.: [Allsen 1983a: 21]). У Чингизидов к тому же не было запрета на браки с кипчаками, о чем, в частности, свидетельствуют зафиксированные в источниках случаи браков Джучидов и Чагатаидов с различными представителями кипчакских династий (см.: [Broadbridge 2018: 253, 254]).

Другой случай такого же рода имел место во время нового наступления на Запад, предпринятого золотоордынским правителем Берке в 1259–1260 гг. Масштабная европейская кампания монголов, затронувшая Западную Русь, Польшу, Литву, Пруссию и, возможно, Трансильванию, скорее всего, представляла собой попытку Берке завершить завоевание Европы, прерванное в 1242 г. смертью Угэдэя. О масштабах предприятия свидетельствуют, в частности, письма-ультиматумы, отправленные Берке французскому и венгерскому королям [Jackson 2005a: 123–124] (см. также: [Sarnowsky 1994: 256–257; Sălăgean 2016: 70–71; Uzelac 2020]).

Из письма папы Александра IV, отправленного венгерскому королю в ответ на его просьбу о помощи, известно о мирных предложениях, сделанных Беле IV золотоордынским правителем. По сути дела, венгерскому королю был предложен военный союз на монгольских условиях, главным из которых было заключение брака между детьми золотоордынского и венгерского правителей и участие венгерского воинского контингента, равного четверти от

[1] Это мнение В. В. Трепавлов высказал в письме ко мне от 4 июля 2020 г.

всех вооруженных сил королевства, под командованием будущего зятя Берке в монгольской армии, наступающей на Запад. Тем самым королю Беле были предложены стандартные условия мирной интеграции в глобальную империю монголов, гарантировавшие не только сохранение его власти над Венгрией, но и получение пятой части всех будущих трофеев, захваченных в Европе. В противном случае Берке грозил Беле IV новой войной и полным уничтожением Венгерского королевства [VMH (1): 239–240, doc. no. 454].

На этот раз Бела не стал игнорировать монгольский ультиматум и отправил на переговоры с Берке своего посла, а сам тем временем обратился за помощью к папе, попросив у него тысячу лучников или, возможно, арбалетчиков (*de mille Balistariorum*). Эта характерная деталь отражает распространившееся на Западе в середине XIII в. преувеличенное представление, что татары более всего боятся луков и арбалетов и с помощью такого оружия их можно победить [Székely 1988: 63]. Папа отвечал королю, что не может отправить лучников ему на помощь, и вместе с тем предостерегал от любых договоренностей с татарами. Трудно сказать, чем бы закончилось новое военное столкновение венгров с монголами, если бы не произошедшая вскоре смерть великого хана Менгу и последовавший за ней глубокий внутренний кризис империи, заставивший Берке прекратить военные действия на Западе [Jackson 2005a: 124]. Тем не менее еще несколько лет венгерский король чувствовал угрозу нового монгольского вторжения и продолжал обращаться за помощью к папе (см.: [Хаутала 2016: 296–298]).

По-видимому, осенью 1237 г. рязанские князья оказались перед такой же дилеммой, как и Бела IV через два десятилетия, — подчиниться монголам или искать помощи для борьбы с ними.

В современной научной литературе распространено ошибочное, на наш взгляд, мнение, что осенью 1237 г. Бату потребовал от рязанских князей выплаты дани или какой-то контрибуции в обмен на отказ от войны с ними [Allsen 1987: 145] (см. также: [Кривошеев 2015: 133]). Размер этой дани-контрибуции оценивается как исключительно высокий: она в десять раз превышала дань, взимаемую, например, с населения Северного Китая [Хрусталев 2015: 135–136; Özcan 2017: 70]. Некоторые исследователи и вовсе сомневаются в реальности требований, предъявленных рязанцам. По мнению Чарльза Гальперина, требование десятой части от людей и от всего имущества предполагало проведение переписи населения Рязанской земли, которую монголы не могли провести во время военной кампании. Следовательно, весь этот эпизод является позднейшей выдумкой летописца, возникшей после того, как монголы действительно провели перепись населения Северо-Восточной Руси и установили регулярное взимание дани [Halperin 2009: 34–35].

Заметим еще раз, что свои требования к рязанским князьям Бату предъявлял, когда Рязань еще не была завоевана, а ее князья даже не начали мирных переговоров с монголами. В этих условиях было бы преждевременно говорить о капитуляции и выплате контрибуции, ведь монголы не одержали еще ни одной победы над русскими.

Сравнивая требования Бату к рязанским князьям (как они переданы в Новгородской первой летописи) с требованиями, которые через два десятилетия Берке предъявлял венгерскому королю, мы можем заключить, что осенью

1237 г. на переговорах с рязанцами обсуждались не дань или ее огромный размер, а готовность рязанских князей к мирному подчинению Бату в формате семейной конфедерации. В обстановке военного похода одним из главных требований монголов должно было стать участие русского контингента — конного корпуса, сформированного из жителей Рязанской земли, — в монгольской армии, наступавшей на Запад. При этом условия союза, предложенного монголами, для русских были менее обременительными, чем для венгров. Если от короля Белы Берке потребовал мобилизации четверти его воинских сил, или, как следует из ответного письма папы, четвертой части народа (*quarta populi tui parte*), то от русских князей Бату требовал для своей армии только десятую часть их людей и лошадей.

Стратегия семейной конфедерации в подчинении Кавказа и Малой Азии

Одновременно с началом Великого Западного похода активизировались наступательные действия на южном театре монгольской экспансии на Запад. В течение 1236 г. монголы под командованием нойона Чормагана, назначенного великим ханом Угэдеем в качестве своего наместника в Северо-Западном Иране и на Кавказе, захватили грузинские владения Закаридов, а также районы Гегаркуник (Севан), Арцах, Сивник, Хачен и Утик; города Ани, Карс и Кайан; Ширван с городом Шамаха; Арран с городами Гандзак (Гянджа) и Шамкор; Муган и Азербайджан. В целом эти завоевания осуществлялись не столько силой оружия, сколько путем переговоров и мирного подчинения [Dashdondog 2012: 65].

Первым кавказским правителем, прекратившим сопротивление и подчинившимся монголам еще в 1236 г., был атабек Аваг (1213–1250), сын атабека Грузии Иванэ из рода Закарян-Мхаргрдзели. Став вассалом хана, Аваг со своими войсками должен был принимать участие в дальнейших завоеваниях монголов на Кавказе и в Малой Азии, а также совершить личный визит в Каракорум и принести присягу великому хану [KG: 216–220, 224–226; КГ: 163–165, 167–168] (см.: [Dashdondog 2011: 71–74]).

Подчинение Авага вызвало эффект домино среди других правителей Кавказа, признавших власть монголов [Dashdondog 2012: 70–71]. Еще через некоторое время, особенно после победы монголов в битве при Кёсе-даге (26 июня 1243 г.) и подчинения Румского султаната, все главные христианские правители Кавказа и Анатолии, включая грузинских царей, правителей Киликийской Армении и князей древней Кавказской Албании, или Хаченского княжества, признали сюзеренитет монголов.

Еще в 1242 г. грузинская царица Русудан (1223–1245) по требованию Бату направила к нему своего сына Давида, признавшего сюзеренитет монголов. Когда Бату потребовал от грузинской царицы лично прибыть к нему для принесения вассальной присяги, Русудан предпочла покончить жизнь самоубийством. После этого грузинские принцы Давид Нарин и Давид Лаша, соответственно сын и племянник Русудан, вместе посетили Каракорум и присягнули великому хану Гуюку, который решил, что они будут править поочередно; это фактически означало раздел Грузинского царства на две части [KG: 262–264; КГ: 194–196] (см.: [Conrad 2012: 88–90]).

Царь Киликийской Армении Хетум I (1226–1270), благоразумно не оказавший поддержки румскому султану Кей-Хосрову II (1237–1245) в войне против монголов, сразу после поражения последнего признал монгольский сюзеренитет, обязавшись снабжать продовольствием и предоставлять армянские войска для новых завоевательных походов монгольской армии. Затем Хетум отправил своего старшего брата Смбата Спарапета в Каракорум для принесения присяги хану Гуюку, а еще через несколько лет лично присягнул новому великому хану Менгу [KG: 265–266; КГ: 196].

После поражения при Кёсе-даге султан Кей-Хосров II признал сюзеренитет монголов, отправив своих послов к Бату (конец 1243 или начало 1244 г.) [IB: 236–237] (см.: [Cahen 2001: 174]). Его преемник Кей-Кавус II для подтверждения своего статуса отправил к великому хану Гуюку своего брата Рукн ад-Дина. Однако, чтобы подорвать влияние Бату в Малой Азии, Гуюк назначил Рукн ад-Дина новым султаном Рума в обход его старшего брата (см.: [Korobeinikov 2014: 180–182]).

Летом 1244 г. монгольский корпус под командованием нойона Ясаура вторгся в Северную Сирию. Айюбидские правители Алеппо, Хомса и Дамаска признали власть монголов и обязались платить дань. Монголы также захватили Харран и аль-Руху (Эдессу), мирно подчинили Мардин и др. Вскоре правители Алеппо и Мосула отправили своих родственников к Гуюку (см.: [Jackson 2017: 84]).

Помимо личной присяги и обязательств военной службы условием мирной инкорпорации в универсальную империю монголов для правителей Кавказа и Анатолии было заключение браков с родственниками монгольских правителей различных рангов. Источники фиксируют немало случаев, подтверждающих это правило, ставшее почти обязательным в отношениях с христианскими правителями региона.

Браки носили двусторонний характер. Монгольских жен, подаренных великими ханами, имели атабек Аваг и Смбат Спарапет; грузинский царь Давид VII (1247–1270) женился на родственнице Чормагана. Впоследствии браки с монголками заключали цари Восточной Грузии Деметре II (1270–1289) и его сыновья: Вахтанг III (1302–1308) женился на сестре ильхана Аргуна (1284–1291), которая впоследствии вышла за его преемника Давида VIII (1293–1302, 1308–1311). С другой стороны, кавказские цари и князья нередко выдавали своих дочерей и сестер за монгольских правителей: дочь хаченского князя Гасана-Джалала Дола (ум. 1261) была замужем за сыном Чормагана; дочь атабека Авага стала женой Шамс ад-Дина Мухаммеда Джувейни, великого визиря ильхана Хулагу и брата знаменитого персидского историка; сестра и дочь царя Деметре II были выданы соответственно за сына ильхана Аргуна и сына эмира Буги (см.: [Bedrosian 1979: 189–190; Dashdondog 2011: 74, 76–77, 81–82, 94]).

Некоторые исследователи полагают, что брачные предложения были сделаны монголами в адрес грузинской царицы Русудан. Получить их она могла от нойона Байджу (сменившего Чормагана в 1241 г.) и даже от самого Бату, настойчиво требовавшего ее личного визита в свою ставку [Baum 2012: 41].

Едва ли можно сомневаться, что возможность породниться с представителем правящего в Монгольской империи рода Чингизидов многими прави-

телями, попавшими в зависимость от монголов, могла восприниматься как политическая удача, способствовавшая стабилизации отношений с завоевателями. К подобным брачным союзам так или иначе стремились не только христианские правители Кавказа и Малой Азии, но и некоторые русские князья, в частности, московские, приобретая таким путем важное конкурентное преимущество в соперничестве с другими князьями (см., например: [Горский 1995]). Впрочем, на Руси подобная практика не была массовой: за всю историю отношений с Монгольской империей и Золотой Ордой в русских источниках можно найти лишь пять или шесть случаев (все они относятся к периоду между 1257 и 1317 гг.), когда русские князья брали в жены родственниц монгольских правителей или знатных монголов (см.: [Экземплярский 1889–1891 (1): 69; (2): 34, 78, 83, 155–157, 396–397; Baumgarten 1934: 13 (tabl. II, no. 1), 36 (tabl. VII, no. 2), 60 (tabl. XI, no. 6, 12), 69 (tabl. XII, no. 3), 94 (tabl. XVII, no. 5), 150])[2]. Вместе с тем, насколько нам известно, в источниках не зафиксировано ни одного случая, когда сестры или дочери русских князей были бы выданы замуж в Орду. По-видимому, это было связано с ограничениями или прямыми запретами, существовавшими на религиозно-ментальном уровне.

Примечательно, что подобных запретов не заметно в матримониальной практике других восточнохристианских правителей — не только Кавказа и Малой Азии, но и византийских императоров, неоднократно выдававших своих дочерей, правда, только незаконнорожденных или приемных, за монгольских правителей различных рангов (подробнее об этом мы скажем ниже). Полный отказ русских князей от браков своих дочерей и других родственниц с монголами, по-видимому, являлся продолжением более ранней практики, сформировавшейся в отношениях с другими степняками, и прежде всего с половцами, допускавшей только односторонние браки. Несмотря на очевидную заинтересованность в браках с половцами самых могущественных князей Руси, неоднократно бравших в жены дочерей половецких ханов или женивших на них своих сыновей, не было случаев (при единственном исключении), когда русская княжна была бы выдана за половецкого правителя или его сына (см.: [Литвина, Успенский 2020: 219–220]).

Казалось бы, предложение о брачном союзе, полученное от самого Бату, было выгодно рязанским князьям, и если они действительно искали мира с монголами, то лучших условий для этого трудно было найти. С точки зрения монголов, намерение их правителей взять себе в жены русских княжон могло предполагать более привилегированные условия интеграции, чем брачное предложение, направленное в обратную сторону. Став женами Бату (или других принцев, участников Западного похода), рязанские княжны и рожденные от них дети становились членами рода Чингизидов, тогда как выданные за правителей других народов и государств монгольские принцессы и их будущие дети, наоборот, теряли этот высокий статус. В своих брачных отношениях Чингизиды придерживались определенных правил и, например, никогда не брали себе в жены представительниц некоторых племен и народов, даже если монгольские принцессы регулярно выходили замуж за правителей этих

[2] Данные о женитьбе ярославского князя Федора Ростиславича Черного на дочери правителя Золотой Орды некоторые исследователи считают недостоверными, см.: [Lenhoff 1997: 117–120].

народов. По мнению некоторых исследователей, таким образом потомки Чингисхана соблюдали чистоту своей крови [Zhao 2008: 24–25].

Если в «Повести о разорении Рязани» действительно отразился факт брачного предложения, сделанного самим Бату, то это предложение в глазах монголов могло восприниматься как более выгодное, в сравнении с другими брачными предложениями Чингизидов. Прося в жены дочерей или сестер рязанских князей, Бату как бы давал понять, что верит в их мирные намерения и со своей стороны предлагает почетные условия мирной инкорпорации в универсальную империю монголов.

Однако, в отличие от христианских правителей Кавказа и Византии, для русских в отношениях с монголами, как и с другими степняками-иноверцами, могли быть приемлемы только брачные союзы, направленные в противоположную сторону. Совершаемые по христианскому закону, такие браки предполагали бы обязательное крещение монгольских невест. В итоге предложения Бату, выгодные в политическом отношении, оказались ментально неприемлемыми для русских и, похоже, были восприняты ими как оскорбительные.

Замужняя женщина и власть монгольского правителя

К открытому конфликту с рязанцами привело второе из требований Бату. Выбор Бату пал на замужнюю женщину, супругу молодого рязанского князя, которую он намеревался отнять у ее здравствующего мужа.

На первый взгляд, требование, касавшееся жены князя Федора, выходит за рамки описанной выше практики брачных союзов и создаваемой на их основе конфедерации. Оно даже может показаться неправдоподобным, так как внешне не соответствует задаче мирного подчинения рязанцев и не находит прямых аналогий в монгольской практике мирной инкорпорации других народов и государств.

Вместе с тем требование Бату к Федору Юрьевичу, поправшее христианский закон и унизившее достоинство князя, вызвав негодование как со стороны автора «Повести о разорении Рязани», так и его многочисленных читателей в России, вполне соответствовало представлениям о браке и нормам морали, которых придерживались Чингизиды и которые, несомненно, имели для них приоритет перед любыми другими нормами и ограничениями.

Бату покусился на жену молодого рязанского князя, прельстившись рассказами о ее необыкновенной красоте и высоком происхождении: если верить нашему русскому источнику, жена Федора происходила из «царского рода», т. е., надо думать, состояла в каком-то родстве с византийским (никейским) императором. Именно эти качества — красоту и высокое происхождение — монгольские правители особенно ценили в женщинах и добивались таких женщин, исходя из собственного понимания привилегий Чингизидов.

В 1325 г. Абу Саид, девятый правитель Ильханата, потребовал себе в жены знатную замужнюю женщину Багдад-хатун, состоявшую в браке с Хасаном Бузургом из могущественного рода Джелаиридов. Очарованный этой выдающейся женщиной, ильхан пошел против мусульманского закона и потребовал от улусного эмира Чопана, отца Багдад-хатун, согласия на брак. Чтобы убедить Чопана, Абу Саид процитировал Ясу Чингисхана, согласно которой

«любая женщина, разыскиваемая ханом, должна быть разведена с мужем и отправлена в гарем императора» [НА: 117; Ḫwāndamīr: 119] (см. также: [Gilli-Elewy 2012: 713–717]). Чопан, однако, счел себя оскорбленным и отказался подчиниться этому требованию. Только после того, как эмир Чопан был побежден и убит, Абу Саид смог жениться на его дочери. Хасан Бузург сменил Чопана на посту улусного эмира, уступив свою жену ильхану. В результате Абу Саид нейтрализовал слишком влиятельного эмира Чопана и его сыновей, что, однако, не избавило Ильханат от новых потрясений [Melville 1999: 12, 29; Hope 2016: 192; Wing 2016: 82–83].

Маловероятно, чтобы Яса Чингисхана действительно содержала правило, на которое ссылался Абу Саид. В литературе высказывалось предположение, что последний имел в виду, скорее, какой-то более древний тюркский обычай [Boyle 1968: 410, note 2]. По мнению Дэвида Моргана, Великая яса вообще не была записана в какой-либо последовательной форме, и поэтому ей можно было приписать широкий спектр положений, считавшихся необходимыми или желательными [Morgan 1986; 2005] (см. также: [Pochekaev 2016]). Если же вслед за Джувейни считать, что Яса существовала реально и в виде свитков тайно хранилась в сокровищницах главных монгольских правителей [Juvaini: 25], придется признать, что она не предназначалась для широкого использования [Ayalon 1971: 100–105]. В любом случае у Абу Саида, как и у других Чингизидов, равных ему по статусу, была полная возможность использовать ее положения желательным для себя образом.

Обращение к монгольскому традиционному праву на столь позднем этапе монгольского правления в Иране показывает, что, несмотря на свои мусульманские имена, правители Ильханата все еще чувствовали связь с имперским прошлым и на этой основе готовы были к противостоянию с более исламизированными членами высшей администрации, такими как эмир Чопан [De Nicola 2017: 122, note 76]. Даже через столетие после смерти Чингисхана монгольский правитель считал себя вправе отнять законную жену у своего вассала, ссылаясь на традиционные привилегии Чингизидов, освященные авторитетом основателя династии.

В распоряжении Абу Саида, как и Бату, требовавших себе замужних женщин, было немало веских прецедентов, созданных Чингисханом, которые, вероятно, имел в виду ильхан, когда ссылался на Великую ясу. Согласно «Тайной истории монголов», когда Чингисхан пожелал взять в жены Есуй, дочь татарского князя Еке-Церена, прельстившись рассказами о ее выдающихся женских достоинствах, она уже была замужем (молодая пара жила в доме свекра как муж и жена, соблюдая древний монгольский обычай) [SHM: 574–575]. Это обстоятельство не остановило Чингисхана, отнявшего Есуй у законного мужа и приказавшего убить последнего [SHM: 78–79, 573–580; ТИМ: 124–125 (§ 155–156)].

Подобным же образом поступал Есугай-Баатур, отец Чингисхана, когда отнял Оэлун-учжин у ее предыдущего законного мужа. Прежде чем стать женой Есугая и, соответственно, матерью Чингисхана, Оэлун была выдана своими родителями за Эке-Чиледу, брата меркитского вождя Тохтоа-беки. Семья Чиледу должным образом договорилась об этом браке и заплатила соответствующую цену за невесту. Согласно обычаю, Чиледу некоторое время жил вместе с Оэлун в семье ее родителей. Затем, очевидно, была проведена официальная

брачная церемония с соблюдением всех ритуалов и праздничным угощением для гостей [Broadbridge 2018: 45] (см. также: [Zhao 2008: 98]). Когда после свадьбы Чиледу повез молодую жену в свой дом, на них напали Есугай и его братья и, привлеченные необыкновенной красотой Оэлун, силой отняли ее у законного мужа, чтобы сделать женой Есугая [SHM: 11–12, 304–310; ТИМ: 84–85 (§ 54–56)].

Похищенной женщиной, на несколько месяцев отнятой у своего законного мужа, была Бортэ, старшая жена Чингисхана, мать Джучи и, соответственно, бабушка Бату. В «Тайной истории монголов» (§ 110–112) приводится рассказ о мести меркитов за похищение Оэлун, совершенное отцом Чингисхана, которая спустя полтора или два десятилетия настигла его сына. Бортэ была силой захвачена меркитами, чтобы стать женой Чильгир-Боко, младшего брата покойного к тому времени Чиледу, в качестве компенсации за потерю Оэлун. Однако, в отличие от Чиледу, Чингисхан с помощью родственников и друзей сумел вернуть себе Бортэ [ТИМ: 103–104]. Через некоторое время после спасения Бортэ родила своего первого сына Джучи; личность его отца всегда оставалась под сомнением, даже несмотря на то, что Чингисхан принял его как своего родного сына [Broadbridge 2018: 59] (см. также: [Ratchnevsky 1993: 36; Togan 1998: 78–80]).

Неудивительно, что Чингисхан признавал за собой и своими потомками право отнимать замужних женщин, если их мужей по каким-то причинам он считал своими врагами. Об этом можно заключить из наставления основателя империи, пересказанного Рашид ад-Дином: «величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том», говорил Чингисхан, чтобы унизить своего врага, превратив «животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды [‘унаб] сосать!» [РД (1/2): 265]. Приведенная сентенция (доступна нам в русском переводе О. И. Смирновой, выполненном по Ташкентской и Стамбульской рукописям начала XIV в., отсутствует в английском переводе Уилера Такстона) подразумевает любого противника или соперника монгольского правителя, который, лишенный своих жен, должен был испытать личное унижение, чтобы в полной мере ощутить могущество императора. Это и другие поучения Чингисхана, имевшие, очевидно, прецедентное значение, не только сохранилось до времени Рашид ад-Дина, но и было включено им в специальный сборник наставлений великого правителя — своего рода моральный кодекс для его потомков.

Именно к этому кодексу заповедей Чингисхана и отразившейся в нем древней монгольской практике добычи женщин с помощью силы, вероятнее всего, апеллировал Абу Саид. При этом он пошел дальше своего прародителя, утверждая за собой право требовать и забирать в свой гарем любую замужнюю женщину, не делая различия между женами своих врагов и добропорядочных подданных.

Процитированную заповедь Чингисхана мог иметь в виду Бату, когда потребовал для себя жену рязанского князя Федора Юрьевича. При этом не имеет значения, воспринимал ли Бату рязанского князя Федора как своего врага или нового подданного. И в одном, и в другом случае монгольский правитель мог найти необходимые правовые основания, достаточные для оправдания своих требований.

Сексуальные привилегии или террор?

Неприемлемые для западных христиан сексуальные привилегии монгольских правителей, которые должны были обеспечивать подданные, отмечают члены францисканской миссии, возглавляемой Плано Карпини. Один из них, называвший себя братом Ц. де Бридиа, сообщает, что император татар «может взять себе дочерей, жен или сестер у кого пожелает, и после того, как он обладал ими, если не захочет оставить их для себя, он отдает их любому, кому пожелает» [НТ: 31 (§ 50)]. По словам самого Карпини, когда император татар, обращаясь к своим подданным, «просит дочь-девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным» [ПК: 45 (V.22); РС: 267–268].

Некоторые исследователи вносят поправку в сообщение Ц. де Бридиа: император татар «может взять себе в жены» только дочерей и сестер своих подданных [Kneepkens 1979: 276] (см. также: [Юрченко и др. 2002: 95]). Подобное вмешательство в текст первоисточника, на наш взгляд, ничем не оправдано, кроме желания привести его в соответствие с текстом аналогичного сообщения Плано Карпини, по старой традиции считающегося более надежным автором. Между тем неоднократно высказывавшиеся ранее сомнения насчет достоверности отчета брата Ц. де Бридиа опровергнуты в результате недавнего открытия еще одной, более ранней версии этого отчета, содержащейся в рукописи, датируемой 1339 г. [Guzman 2006].

В сущности, между сообщениями Карпини и Ц. де Бридиа нет противоречия. Если монгольский правитель был вправе брать у своих подданных их дочерей и сестер, то едва ли что-то могло помешать ему взять и других женщин, включая замужних, когда на то была его воля. Более того, как мы покажем ниже, замужество не давало полной защиты от принудительной мобилизации женщин для нужд ханского гарема и двора.

Достоверность сведений, сообщаемых участниками францисканской миссии, подтверждается промонгольскими источниками. В жизнеописании Угэдэя, приведенном в «Юань-ши», упоминается необычный случай, произошедший в девятый год правления императора (год дин-ю):

> В шестую луну (24 июня — 23 июля 1237 г.) племена левого крыла распространяли беспочвенные слухи о реквизиции женщин. Император разгневался на это и, приказав реквизировать их [женщин], подарил их своим подчиненным [SHM: 1034] (ср. [Abramowski 1976: 132–133; Храпачевский 2009: 174]).

Это сообщение, несомненно, связано с более подробным рассказом, читающимся у Джувейни и Рашид ад-Дина [SHM: 1034–1036]. В правление Угэдэя в одном из монгольских племен распространился слух, что дочери этого племени будут выданы замуж за неких людей, определенных императором. Тогда люди этого племени обручили бóльшую часть своих дочерей с мужчинами из того же племени, а некоторых даже успели выдать замуж. Узнав об этом,

император «приказал собрать вместе всех девушек старше семи лет и забрать у мужей тех, кого выдали замуж в тот год». В результате было собрано четыре тысячи девушек. Прежде всего император «приказал отделить от остальных дочерей эмиров, и всем присутствующим было приказано насиловать их». Оставшиеся «были взяты в гарем, а другие были отданы людям, присматривающим за гепардами и другими дикими животными, и разным слугам при дворе, а еще другие были отправлены в публичный дом и на постоялый двор развлекать путешественников. А тех, кто остался, всем присутствующим, монголам и мусульманам, разрешено было забрать себе» [Juvaini: 235–236] (см. также: [RD: 345; РД (2): 63–64]).

Этот экстраординарный случай заслуживает особого внимания. Джек Уэзерфорд оценивает его как «самое ужасное преступление» Угэдэя за все время его двенадцатилетнего правления и «одно из самых страшных зверств, совершенных монголами». «Персидские летописцы зафиксировали всю жестокость и явное зло, стоящее за преступлением, причиненным этим невинным “звездным девам, каждая из которых по-своему поражала сердца людей”. Все знали, что этот варварский поступок нарушил по духу и в конкретных пунктах длинный список законов, принятых Чингисханом в отношении женщин. Девочки могли вступать в брак в юном возрасте, но не могли заниматься сексом до шестнадцати лет, и только потом они начинали половую жизнь со своими мужьями. Их нельзя было захватить, изнасиловать, похитить, обменять или продать. Угэдэй нарушил каждый из этих законов» [Weatherford 2010: 89–90].

Название племени, пострадавшего от произвола императора, в двух основных рукописях Джувейни передано неясно, и только в одной рукописи (манускрипт D, по классификации Бойла), а также у Рашид ад-Дина указывается, что это были ойраты. Данную версию принимают некоторые новейшие исследователи. Согласно Уэзерфорду, персидские хроники объясняют, что эпизод с изнасилованием «был наказанием ойратам за то, что они не посылали девушек в гарем Угэдэя» [Ibid.: 90–91].

Сопоставление рассказа Джувейни и приведенного выше сообщения «Юань-ши» показывает, что экспроприация девушек и женщин происходила среди «племен левого крыла», которые едва ли можно отождествлять с ойратами. Похоже, речь здесь должна идти о каком-то другом племени или племенах, обитавших в Восточной Монголии [Broadbridge 2018: 187, note 123]. Об этом же свидетельствует, вероятно, и «Тайная история монголов» (§ 281), где сообщается о наборе девушек, произведенном Угэдэем во владениях Темуге-отчигина (брата Чингисхана), который никогда не был правителем ойратов: «…привести в дом девушек моего дяди Отчигина, — говорил будто бы сам Угэдэй, — было безусловной ошибкой» [SHM: 217, 1034–1036] (ср. [ТИМ: 199]). По-видимому, весь параграф 281, повествующий о четырех добрых делах и четырех ошибках императора, является посмертной оценкой, выражающей официальную точку зрения на его правление. В этой общей оценке нет даже намека на массовое изнасилование малолетних монгольских девушек. Однако не вызывает сомнения, что в «Тайной истории» речь идет о том же случае, который приводят Джувейни и официальная биография Угэдэя в «Юань-ши» [SHM: 1032–1035].

Если поводом для Угэдэя стал отказ ойратов или каких-то других племен Восточной Монголии добровольно отдать своих девушек в гарем императора, то весьма вероятно, что проведенная им в 1237 г. насильственная экспроприация монгольских женщин находится в связи с другим подобным событием, происходившим в то же самое время. Мы имеем в виду установление новых повинностей для покоренного недавно населения Северного Китая, одна из которых состояла в мобилизации женщин для императорского гарема.

В приведенной в «Юань-ши» биографии Елюй Чуцая (ум. 1243), главного китайского советника Чингисхана и Угэдэя и фактического главы монгольской гражданской администрации в Северном Китае в 1230-е годы, отмечается, что он задержал исполнение приказа Угэдэя о повсеместном наборе китайских девушек для императорского гарема под предлогом того, что 28 девушек, отобранных ранее, еще не были доставлены в гарем. Это мудрое решение упомянуто среди наиболее важных заслуг выдающегося китайского администратора в пространной эпитафии на его надгробной стеле, составленной предположительно в первой половине 1260-х годов. Елюй Чуцай, по его собственным словам, боялся спровоцировать народные волнения в Китае, которые должен был вызвать массовый набор девушек для императора, и, несмотря на недовольство последнего, сумел убедить его отменить или, точнее, приостановить это рискованное нововведение [Humble n. d.: 8; De Rachewiltz 1960: 118; Мункуев 1965: 80].

Описанный случай, вероятнее всего, произошел вскоре после проведения в 1235–1236 гг. под руководством того же Елюй Чуцая всеобщей переписи населения Северного Китая (подробнее см.: [De Rachewiltz 1993: 154–155]), необходимой для установления новой системы налогов и натуральных повинностей в пользу монгольского императора, одна из которых заключалась в предоставлении девушек для гарема.

Хотя сохранившиеся источники не дают возможности утверждать, что проведенная по приказу Угэдэя экспроприация женщин у «племен левого крыла» была попыткой распространить соответствующую повинность на часть монгольских племен, не вызывает сомнения, что среди последних могли возникнуть подобные подозрения и панические слухи, которые не были полностью беспочвенными, если судить по последовавшей реакции императора. По своей жестокости и масштабу предпринятые им меры намного превосходили то, что мы видели в Северном Китае. Ясно, что Угэдэй наказывал своих монгольских подданных за массовое неповиновение и противодействие какому-то важному для него нововведению. Так или иначе, монгольский император считал себя вправе отнимать женщин у любых своих подданных, включая даже монголов, не делая исключений для замужних женщин или женщин с высоким социальным статусом, дочерей эмиров, как их именует Джувейни.

Когда Бату потребовал себе замужнюю женщину, супругу молодого рязанского князя, он мог пытаться осуществить подобную практику на Руси, оправдывая свои действия недавними прецедентами, созданными императором. Действуя в стиле своего императора, предводитель Западного похода, как кажется, мог рассчитывать на одобрение и поддержку Угэдэя. И хотя последний вскоре частично отказался от своего нововведения, в то время, когда Бату предъявлял брачные требования рязанским князьям, оно, судя по всему, было в самом разгаре.

Византийские принцессы в матримониальной стратегии монголов

Возвращаясь к основной линии нашего исследования, подведем некоторые итоги наблюдениям, сделанным в предыдущих экскурсах.

В период монгольской экспансии как на Востоке, так и на Западе успех завоевателей определяла не только военная сила, но и умелое сочетание ее с технологиями мирного подчинения, среди которых важное значение имела широкая сеть военно-политических союзов, создаваемых на основе брачных отношений и обязательств, связываемая новейшими исследователями со стратегией семейной конфедерации, общие основы которой были заложены еще Чингисханом.

Ключевую роль в этой системе играли женщины — прежде всего дочери и внучки самого Чингисхана и его преемников, а также родственницы правителей других народов, вступающих в альянс с монголами. Конфедерация никогда не предполагала союз равных партнеров. В какой бы форме она ни была реализована, монгольские ханы или принцы всегда выступали в ней в качестве сюзеренов. Их доминирующая роль проявлялась в том числе в праве выдвигать свои условия, которые не всегда могли полностью устраивать другую сторону, принимавшую их только в силу военно-политической необходимости. По мере усиления Монгольской империи и успехов ее экспансии условия мирного подчинения, предлагаемые завоевателями, становились все более жесткими и по своему стилю более походили на ультиматумы.

Обладая огромной властью и руководствуясь собственными представлениями о законе и морали, ханы и принцы считали себя вправе потребовать у своих подданных и взять в свой гарем не только юных девушек, но и замужних женщин, если находили это желательным или необходимым. Это право, вероятно, было связано с древними брачными обычаями монголов и прецедентами, созданными Чингисханом и его первым преемником Угэдэем, а в дальнейшем воспринималось как одна из исключительных привилегий Чингизидов. В мусульманской и христианской культурной среде подобная практика провоцировала острые конфликты, что до известной степени должно было сдерживать ее. Поэтому в источниках отражены только единичные случаи, которые можно с ней связывать. Один из них мы находим в «Повести о разорении Рязани».

Осенью 1237 г. рязанские князья столкнулись с новой для себя политической реальностью, поставившей их перед выбором: либо, подчиняясь Бату, стать частью созданной монголами машины завоевания и грабежа других народов, либо, не имея сил для эффективного сопротивления, самим стать объектом военной добычи. По стечению обстоятельств и в первом, и во втором случае молодой князь Федор должен был расстаться со своей красавицей женой. Не только красота, но и высокое происхождение (из «царского рода») этой женщины представляли особый интерес для завоевателей.

В сохранившихся источниках нет подтверждения существования брачных связей рязанских князей с правителями Византии или Никеи. Рязанские летописи, о существовании которых можно догадываться по некоторым косвенным признакам, до нас не дошли, и поэтому о рязанских князьях и их браках известно очень мало. Заметим, однако, что из Старой Рязани происходят

несколько кладов драгоценных предметов византийской и русской работы, в том числе набор лучших из известных сегодня произведений филигранного искусства XII–XIII вв. — уникальный комплекс женских украшений из золота с драгоценными камнями и эмалями, часть которых по своему уровню соответствует работам столичных византийских эмальеров [Кондаков 1896: 59; Даркевич, Борисевич 1995: 70; Жилина 2020: 115].

Кроме того, мы знаем, что на рубеже XII–XIII вв. ослабленная внутренними противоречиями и внешним давлением Византия усиленно искала союзников в том числе среди русских князей (см.: [Maiorov 2015a]), и правители империи проявляли бóльшую готовность к династическим бракам с северными «варварами», чем в предыдущее время (см.: [Maiorov 2014]). Не только галицко-волынские, но и владимиро-суздальские князья поддерживали контакты с властями Никеи, участвуя в инициированных ими экуменических процессах первой половины XIII в. (см.: [Maiorov 2015b; 2018]). Монгольское нашествие на Русь не прервало эти контакты, а, наоборот, способствовало их усилению (см.: [Maiorov 2020]).

Как бы то ни было, отсутствие прямых свидетельств источников не дают возможности подтвердить родственную связь рязанской «царевны» с кем-либо из византийских (никейских) императоров, во всяком случае близкую. Однако вне зависимости от того, была ли жена князя Федора действительно родственницей императора, один слух об этом мог возбудить у Бату желание завладеть ею.

Правители западных монгольских улусов — Ильханата и Золотой Орды — особенно стремились к бракам с византийскими принцессами. В период между 1265 и 1340 гг. известно не менее пяти браков незаконнорожденных дочерей византийских императоров с монгольскими правителями различных рангов: две дочери Михаила VIII (1261–1282) были выданы соответственно за Абакухана, второго правителя Ильханата, и за Ногая, правителя части Золотой Орды к западу от Днепра [GP: 202–203] (см. также: [Vásáry 2005: 79; Korobeinikov 2014: 111, 195–196, 209]); две дочери Андроника II (1282–1328) стали женами ильхана Олджейту [Korobeinikov 2014: 212] и золотоордынского хана Тохты [GP: 316–317; Vásáry 2005: 91], а дочь Андроника III (1328–1341) — третьей женой золотоордынского хана Узбека [IBt: 498] (см.: [Vásáry 2005: 131]).

Монгольские правители, и прежде всего ильханы, действительно были заинтересованы в браках с византийскими деспинами, поскольку таким способом стремились подчеркнуть свою легитимность как «правопреемников» великих монархий Ближнего Востока и Ирана. Византийские императоры почувствовали этот специфический интерес и наладили целую индустрию по производству невест для монголов. Иоанн VI Кантакузин (1347–1354) раскрыл мотивы обеих сторон, цинично показав уловки, которыми пользовались византийцы:

> Понимая, что не могут нанести варварам поражение в битве, императоры ромеев избежали разгрома, умиротворяя их подарками и любезностью. Они [монголы] были особенно сговорчивы и дружелюбны по отношению к ромеям, получая невест из императорской семьи, и, таким образом, думали, что через связь с императором ромеев они станут преемниками Александра Македонского и импера-

тора Персии. Поэтому девушек исключительной красоты, не только аристократок, но и низкого происхождения, воспитывали в императорском дворце как принцесс и, когда возникала необходимость, выдавали за монгольских сатрапов [IC: 188; Bryer 1981: 481] (см. также: [Lippard 1984: 219]).

Родственная связь с Александром Македонским, достигаемая через браки с византийскими «царевнами», очевидно, имела политическое значение для монгольских правителей. В XI–XIII вв. Александр Великий выступал в качестве центральной фигуры в ряде этиологических легенд, существовавших у кочевников Центральной и Внутренней Азии (см.: [Boyle 1974]). Образ Александра был хорошо известен монголам имперского периода, о чем может свидетельствовать существование монгольской версии «Романа об Александре», несколько фрагментов которой сохранилось в дошедшей до нас рукописи начала XIV в., выполненной уйгурским письмом (см.: [Poppe 1957; Cleaves 1959]).

Уже в XIII в. монголы могли использовать сюжеты и символы «Романа об Александре» для обоснования своей собственной коллективной идентичности [Kamola 2015: 563–564]. Как показал Кристофер Этвуд, этот текст был известен автору «Тайной истории монголов»: финальная сцена романа между Александром и Дарием стала литературной моделью для изображения взаимоотношений Чингисхана с Джамухой (см.: [Atwood 2015: 163–164, 171–172]).

В отчетах христианских миссионеров и дипломатов, побывавших при дворе великого хана и других монгольских правителей, прежде всего Плано Карпини, баснословные подвиги Александра регулярно приписываются Чингисхану (подробнее см.: [Guéret-Laferté 1994: 299–302; Tanase 2013: 195–196; Aigle 2015: 51–52]). При этом нет никаких доказательств, что брат Иоанн или его спутники были знакомы с какой-либо из многочисленных версий «Романа об Александре», распространенных в их время. Похоже, францисканцы воспринимали записанные ими сведения как оригинальную монгольскую историю Чингисхана. В любом случае, они не заметили сходства и, кажется, даже не осознавали, что невероятные подвиги, приписываемые ими монгольскому государю, уже были частью набора легенд, накопленных за столетия — как на Западе, так и на Востоке — вокруг фигуры другого правителя [Daffinà 1989: 424].

Некоторые атрибуты и символы верховной власти, связанные с Александром Великим, проникли в придворную культуру монголов. Одним из цветовых обозначений монгольского императора со времен Чингисхана наряду с золотом становится пурпур, широко использовавшийся также византийскими императорами. Так, согласно «Тайной истории», уйгурский правитель, признавая над собой власть Чингисхана, просит для себя клочок его «малиновой (= пурпурной) мантии» (§ 238). Тот же цветовой термин, эквивалентный пурпуру (*al de'el*), применялся для обозначения одной из императорских печатей (*al tamgha*), которой пользовались Чингисхан и его преемники [Allsen 1997: 64–65].

Использование большого количества предметов из золота при погребении монгольских правителей также могло быть следствием знакомства с «Романом об Александре», в монгольской версии которого Александр, чувствуя прибли-

жение смерти, просит похоронить себя с большим количеством золота. Наряду с тысячей золотых сосудов, наполненных жемчугом и золотом, Александр перед смертью хочет взять с собой также тысячу прекрасных девушек, тысячу борцов и музыкантов, тысячу юношей и стариков. По словам Джона Эндрю Бойла, это, безусловно, отсылка к человеческим жертвоприношениям, совершавшимся над могилой монгольского хана, который здесь приравнивается к Александру [Boyle 1979: 131–132; Allsen 1997: 68].

Сравнивая отчеты Плано Карпини и Ц. де Бридиа, можно заметить, что у последнего изложение легендарной истории походов Чингисхана лучше организовано и производит впечатление целостного литературного произведения. Кроме того, при переводе на латынь здесь сохранились монгольские названия стран и народов, через которые прошли армии Чингисхана. Наконец, в отличие от Карпини, Ц. де Бридиа постоянно ссылается на монголов (татар) как на главных своих информаторов. Многие его сообщения начинаются вводными фразами, такими как «сами татары рассказывают…». Поскольку Ц. де Бридиа не упоминает никаких европейских купцов, ремесленников или пленников среди татар, можно заключить, что вся или бóльшая часть его информации была получена непосредственно от монголов (см.: [Painter 1965: 63 (note 3), 65 (note 5), 67 (note 2), 68 (note 16), 69 (note 4)]).

Как показал Мариан Плезя, Ц. де Бридиа сопровождал Карпини только на первом этапе поездки к монголам. Вместе с другим францисканцем по имени Чеслав (Стефан) он был задержан в ставке Бату на Нижней Волге 8 апреля 1246 г. и только 25 мая 1247 г. смог вновь присоединиться к основной экспедиции, возвращавшейся из Монголии, встретив Карпини где-то на левом берегу Днепра. Таким образом, Ц. де Бридиа более года вынужденно провел во владениях Бату. За это время он, по-видимому, успел выучить монгольский язык, что позволило ему собрать дополнительные сведения о монголах, отсутствующие в более пространном отчете Карпини [Plezia 1970: 18–21] (см. также: [Jackson 2005a: 88, 114, 135, 151; Guzman 2010: 134–135]).

Переданная францисканцами баснословная история походов Чингисхана, вероятнее всего, возникла на основе «Романа об Александре» и была дополнена новыми вымышленными эпизодами. При этом часть из них — истории о поражениях Чингисхана и его полководцев — могли быть получены от иноземных пленников, в том числе от русских [De Rachewiltz 1971: 107; Daffinà 1989: 423–424; Guéret-Laferté 1994: 261–262]. Некоторые исследователи высказывают предположение, что к середине XIII в. среди монголов мог сложиться целый цикл легенд и преданий, условно именуемый «Сагой» или «Романом о Чингисхане», существовавший не только в устной, но и в письменной форме [Painter 1965: 49–50; Tanase 2013: 195–196 (note 48); Aigle 2015: 52; ср. Yourtchenko 1998].

Старший внук Чингисхана и предводитель Западного похода, Бату, всегда имевший далекоидущие политические амбиции, не только понимал, но и, похоже, сам культивировал идеологическое значение образа Александра, способствуя развитию легенды о нем в своих владениях. Первым из монгольских правителей войдя в непосредственное соприкосновение с византийским миром, он первым должен был оценить перспективы и мог попытаться воспользоваться браком с византийской принцессой как средством укрепления своего личного престижа и политического статуса в империи.

Потребовав жену у своего нового вассала, рязанского князя Федора, происходившую будто бы из «царского рода», Бату прибегнул к самой простой и, казалось бы, доступной возможности для брака с византийской принцессой. Мотивировав свое скандальное требование исключительными привилегиями Чингизидов, основатель Золотой Орды, может быть, обещал Федору взамен блестящую карьеру при своем дворе, подобную той, которую сделал Хасан Бузург при дворе Абу Саида.

С другой стороны, к сближению с правителями Никейской империи Бату могла подталкивать военно-политическая ситуация, складывавшаяся на южном фланге монгольского наступления на Запад. Накануне нашествия на Северо-Восточную Русь произошли важные события, изменившие расстановку сил на Кавказе и в Малой Азии. Как уже говорилось, на сторону монголов перешел атабек Аваг, представитель одного из самых влиятельных армянских кланов, состоявших на службе у грузинских царей. Его примеру последовали другие кавказские правители, что позволило монголам в короткий срок овладеть главными армянскими городами Грузинского царства (см.: [Korobeinikov 2014: 174–175]; подробнее см.: [Dashdondog 2011: 55–60]).

Тогда же власть монголов согласился признать правитель Румского султаната Кей-Кубад I (1220–1237). В 1236 г. султану было доставлено послание великого хана Угэдея, текст которого передает Ибн Биби. Хан потребовал от султана признания вассальной зависимости в обмен на сохранение своей власти и интеграцию в глобальную империю монголов на привилегированных условиях. Чтобы выразить свою покорность, султан должен был совершить визит в Каракорум и принести присягу на верность хану. После смерти Кей-Кубада I (30 мая 1237 г.) его сын и преемник Кей-Хосров II направил великому хану письмо, первоначально составленное его отцом, в котором он заявил: «Я также обязуюсь идти по пути согласия и послушания» [IB: 196] (см.: [Cahen 2001: 65; Korobeinikov 2014: 173–174; Jackson 2017: 250]).

Бату, готовившийся в это время к завоеванию Восточной Европы, очевидно, должен был знать об успехах монгольской дипломатии на юге, сулivших мирное подчинение одного из крупнейших государств Анатолии, ближайшего соседа Никейской империи. В этих условиях «женитьба» на предполагаемой византийской принцессе обещала бы Бату заманчивые предпосылки для продолжения мирной экспансии в Малой Азии: у монгольских правителей мог появиться удобный повод сделать мирные предложения властям Никеи, подобные тем, которые готовы были принять правители Рума, а перед Бату открывалась возможность взять инициативу в этом деле непосредственно в свои руки. Разумеется, все это не более чем предположения, и сегодня нам остается лишь оценивать степень их вероятности. Как бы то ни было, у нас нет сомнения в том, что предводитель Западного похода монголов имел реальные причины потребовать для себя византийскую царевну, если бы он нашел таковую в лице одной из рязанских княгинь, разумеется при условии, что ее муж заявил о готовности подчиниться завоевателю.

Рязанский князь на переговорах с Бату

Убийство князя Федора за отказ отдать свою жену монгольскому правителю может показаться чрезмерным и даже неправдоподобным ответом со стороны последнего, не столько реальным, сколько приписанным ему древнерусским книжником, стремившимся придать образу Бату черты закоренелого злодея, дикого варвара, обуреваемого звериными страстями. Более того, если учитывать, что Федор был послан к Бату другими рязанскими князьями для мирных переговоров, его убийство противоречило монгольскому обычаю неприкосновенности посла, любое нарушение которого считалось недопустимым и сурово наказывалось. Если же Федор прибыл к Бату в качестве заложника, то и в этом случае его убийство не находит удовлетворительного объяснения, ведь, согласно «Повести о разорении Рязани», русские князья не предпринимали враждебных действий против монголов, пока Федор был жив.

Объяснить эти противоречия мы можем, допустив, что в ставке Бату Федор выступал не только в качестве посла или что в результате переговоров с монголами статус русского князя существенно изменился. Только при таких условиях могли возникнуть требования, касавшиеся лично Федора и его жены, которые едва ли было бы возможно предъявлять обычному послу или заложнику.

Любого иностранного короля или князя, который лично или через своих послов обращался к монгольскому правителю с просьбой о мире, последний воспринимал как своего подданного, приступившего к процедуре принятия суверенитета монгольского хана. Достаточно было одного заявления о готовности к миру, чтобы монголы начали переговоры с любым правителем, который при этом не мог выступать в качестве равного партнера, а, признавая свою зависимость, должен был занять предписанное ему положение в структуре глобальной империи, создаваемой монголами. В политическом словаре монголов тюрко-монгольский термин *el*/*il* (персидский *īlī*) обозначал одновременно ‘мир’ и ‘подчинение’ [Mostaert, Cleaves 1952: 485, 492–493; Ruotsala 2001: 106–108. Jackson 2005a: 46]. Никакого исключения не было сделано даже для послов римского папы, от которых монголы требовали не только прохождения очистительных обрядов, но и обрядов, выражавших покорность монгольскому правителю, а мирное послание Иннокентия IV хан Гуюк однозначно интерпретировал как выражение покорности (подробнее см.: [Jackson 2012: 229–231]).

Плано Карпини (VII.2) и Ц. де Бридиа (§ 41) сообщают, что, согласно закону, установленному Чингисханом, монголы, покоряя другие страны, могли заключать мир только с теми, кто сдавался и подчинялся им безусловно и безоговорочно [РС: 285; ПК: 55; НТ: 26–27; Painter 1965: 90]. Только на таких условиях, следовательно, они готовы были вести переговоры с любым прибывшим к ним в поисках мира русским князем, о чем побывавшие на Руси и во владениях монголов францисканцы могли слышать от многих информаторов.

Рязанского князя, прибывшего для мирных переговоров в ставку Бату, последний должен был воспринимать как своего нового подданного, начавшего процедуру признания монгольского суверенитета. Подчиняясь необходимости договориться о мире, Федор со своей стороны в ходе переговоров с Бату дол-

жен был так или иначе признать себя вассалом монгольского правителя. Такое признание, пусть даже вынужденное, делало русского князя подданным хана и вводило в уже сложившуюся в Монгольской империи систему вассальных отношений, когда сюзерен считал себя вправе распоряжаться личностью вассала, его имуществом и семьей.

Побывавшие во владениях Бату и в ставке великого хана всего через несколько лет после описываемых здесь событий Плано Карпини и его спутники были поражены невозможными на Западе размерами власти, которую имели над своими подданными монгольский император и его князья, — власти, показавшейся францисканцам беспредельной. Шокировавшие монахов сексуальные привилегии монгольских правителей были не более как одно из частных проявлений этой абсолютной власти. «Вышеупомянутые люди, то есть татары, — сообщал Карпини, — более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские…» [РС: 245 (IV.2); ПК: 34]. «Они более послушны своим господам, чем другие народы, — вторит Карпини Ц. де Бридиа, — даже более, чем священники епископам, так как преступникам не оказывается никакой милости, император полностью держит их в своей власти; посланы ли они на смерть или на жизнь, они должны выполнять порученное им со всем поспешанием» [НТ: 31 (§ 50); Painter 1965: 94].

Неоднократно возвращаясь к этой теме, Карпини уточняет и дополняет данную им ранее характеристику:

> Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. ‹…› во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они [подданные] повинуются без всякого противоречия. ‹…› Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми ‹…›, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет угодно [ПК: 45–46; РС: 267, 269 (V.22, V.24)].

У нас нет оснований сомневаться в достоверности приведенных сведений. Силу власти монгольских ханов над их подданными подчеркивают и другие современники, происходящие как из промонгольского, так и из антимонгольского лагеря. Вспомним приведенные выше сообщения Джувейни и Рашид ад-Дина об экспроприации императором молодых женщин у «племен левого крыла». Свое описание Джувейни завершает характерным замечанием:

> …их отцы, братья, близкие и дальние родственники и мужья смотрели на это, не смея вздохнуть и не произнеся ни слова. И это несомненное доказательство их безусловной покорности его [императора] приказам и повиновения его армии [Juvaini: 235–236].

Джузджани приводит требование Чингисхана, которое он предъявлял своим будущим вассалам перед тем, как они приносили ему клятву верности:

> Если вы подчиняетесь моей власти, то это значит, что вы все обязаны повиноваться, даже если я прикажу сыновьям убивать отцов, а отцам убивать своих сыновей [Juzjani: 952–953, note 2].

По словам Джувейни:

> Повиновение и послушание их таковы, что если начальник тумена, будь он от хана на расстоянии, отделяющем восход от заката, совершит оплошность, хан посылает одного-единственного всадника, чтобы наказать его, согласно приказу; если требуется голова, он отрубит голову, а если золото, то возьмет его у него [Juvaini: 31].

Если даже в этих сообщениях содержится некоторое преувеличение, ни один из передающих их средневековых авторов не заметил этого и не выразил никаких сомнений в надежности передаваемых сведений. Насколько нам известно, таких сомнений не высказал ни один из новейших исследователей. В кочевых империях власть правителя напрямую зависела от того, насколько он был способен обеспечивать своих подданных богатой военный добычей. Простые кочевники получали в целом немалую долю трофеев: в армии Бату, например, она составляла 40%. До тех пор, пока завоевательные походы обеспечивали постоянный поток военной добычи, перераспределяемой ханом, соотношение сил в империи действительно складывалось в его пользу, делая непререкаемыми его власть и авторитет. Тем опаснее для монгольских правителей было любое ослабление указанного ресурса, способное разрушить хрупкий баланс сил, разнонаправленных по своему действию [Крадин, Скрынникова 2006: 322].

Вассальная присяга и ее нарушение

В обмен на мир и интеграцию в структуру монгольской имперской элиты Бату должен был потребовать от рязанских князей, и прежде всего от Федора Юрьевича, принесения вассальной присяги. Такое же требование предъявлялось впоследствии всем русским князьям, прибывавшим в ставку Бату в поисках мира и одновременно с выражением покорности новому правителю (см.: [Горский 2018: 35–37]). И если рязанские князья еще могли ошибаться насчет истинных намерений Бату, то после монгольского нашествия ни у кого из русских князей уже не могло быть сомнений или недопонимания в отношении значения и последствий мирных переговоров с монголами.

Монгольская практика мирного подчинения не только кочевых, но и оседлых народов уже вполне сложилась ко времени завоевания Руси. Об этом свидетельствует ее четко отработанная процедура, предполагавшая определенную последовательность ритуальных действий. Прежде всего в ставку монгольского хана или принца должен был лично прибыть один из правителей народа, искавшего мира, принеся с собой обильные и ценные дары. Следующим этапом должна была стать клятва верности новому сюзерену, ответом на которую в некоторых случаях становилось брачное предложение со стороны последнего, а также наложение обязательств по выплате податей и поставке воинов в монгольскую армию.

Промонгольские источники, и в первую очередь «Тайная история монголов», дают немало примеров, подтверждающих наши наблюдения. Остановимся лишь на некоторых из них. В 1211 г. был оформлен союз монголов с уйгурами: уйгурский князь прибыл к Чингисхану, преподнес богатые дары, признавая свою зависимость, в ответ монгольский правитель обещал выдать за него свою дочь [SHM: 845–849; ТИМ: 174 (§ 238)] (см. также: [Allsen 1983b: 246–247; Zhao 2008: 166–167]). Одновременно власти монголов подчинились карлуки: их князья один за другим присягнули Чингисхану и получили в жены его родственниц [SHM: 842–843; ТИМ: 174 (§ 235)] (см. также: [Jackson 2017: 66]).

Бату, вероятно, должен был помнить крупный успех своего отца, принца Джучи, сумевшего мирно подчинить кыргызов, ойратов и другие «лесные народы» Южной Сибири, удостоившись за это похвалы Чингисхана. Зимой 1218 / 1219 г. во время военной экспедиции на территорию современных Тувы и Хакасии Джучи был встречен представителями кыргызской знати, которые преподнесли ему богатые дары и присягнули на верность. Ранее, в 1207 г., ойраты в первый раз мирно подчинились монголам, их правители прибыли к Чингисхану с дарами и получили в жены монгольских принцесс [SHM: 164, 849–857; ТИМ: 174 (§ 239)] (см. также: [Zhao 2008: 127–129; Broadbridge 2018: 115–116]).

Проявляя готовность к миру с рязанцами, Бату в какой-то мере мог стремиться повторить успех отца, начинавшего создание своего улуса с мирного подчинения «лесных народов» Южной Сибири [Миргалеев 2016: 73–74: Трепавлов 2016а: 138]. Рязанцев, как и других обитателей Северо-Восточной Руси, проживавших в труднодоступной для кочевников лесной зоне, Бату также мог воспринимать как своего рода «лесные народы», населявшие западные окраины улуса Джучи, готовые к мирному подчинению, подобно своим воображаемым собратьям на востоке.

Рязанцы на первых порах, похоже, старались соответствовать этим ожиданиям, последовательно исполняя элементы ритуала мирного подчинения монголам, о котором отчасти могли быть осведомлены заранее. Во всяком случае, в «Повести о разорении Рязани» отражены три из этих элементов: прибытие в ставку Бату рязанского князя Федора, принесение им «великих даров» и брачное предложение от Бату. Русский источник опускает еще одно существенно важное звено ритуала, без которого он не мог состояться, — вассальную присягу на верность монгольскому правителю. Однако наличие брачного предложения, последовавшего со стороны Бату, предполагает, что такая присяга, скорее всего, была принесена.

Некоторое представление о содержании вассальной присяги, приносимой монгольскому правителю, дает «Тайная история монголов», где в своеобразной поэтической форме отразились наиболее значимые государственные ритуалы и церемонии, сложившиеся еще при жизни Чингисхана (см.: [Балданмаксарова 2003; Базаров, Ням-Осор 2004]). При избрании Темучжина великим ханом его родственники и соратники приносят клятву, в которой предусматривалась специальная санкция на случай нарушения условий присяги (§ 123). В мирное время отступник наказывался лишением всего имущества, отлучением от семьи и изгнанием в чужие земли. Во время

войны нарушителя клятвы ждала высшая мера наказания: «В дни битв, если мы в чем нарушим твой устав, — говорили вассалы хана, — отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, а черные головы наши разбросай по земле» [ТИМ: 109; SHM: 49].

В правление Чингисхана принесение вассальной клятвы стало повсеместным и обязательным требованием, что позволило объединить разрозненные и враждебные друг другу монгольские племена в единый народ. Один из современников отмечает: «Чингисхан связал племена в единый народ обязательствами и клятвами повиноваться ему во всем и подчиняться его приказу» [Juzjani: 948–949]. Кроме того, соблюдение клятвы верности не основывалось более на одних только моральных принципах. Произнесение вассалом ритуального самопроклятия в момент присяги отныне влекло за собой реальные юридические последствия, общие для всех подданных императора. Чингисхан, как правило, казнил всех, кто покинул, обманул или предал своего сюзерена, даже в тех случаях, когда нарушители вассальной присяги действовали в пользу самого основателя империи [Barkmann 1991: 207] (см. также: [Ratchnevsky 1987: 66–67]).

Со временем сфера применения присяги расширялась и принимала характер односторонних письменных обязательств высокопоставленных должностных лиц или военачальников перед своим сюзереном, сохраняя самые суровые меры наказания, вплоть до смертной казни, за их нарушение (см.: [Subtelny 2011]). Установлению такой практики способствовал также основатель Золотой Орды. В цитируемом Рашид ад-Дином письме к своему младшему брату Берке, представлявшему Джучидов на выборах нового великого хана, Бату требовал, чтобы каждый, кто посмеет нарушить Ясу, был лишен головы [РД (2): 131]. Тем самым старший внук Чингисхана добивался подчинения младших родственников, необходимого для победы своего ставленника Менгу, приравнивая неповиновение своей воле к нарушению Ясы. Не вызывает сомнений, что в понимании Бату подобная мера наказания должна была применяться к любому вассалу, нарушившему присягу, т. е. посягнувшему на один из фундаментальных устоев империи.

Если принять во внимание значение вассальной присяги для Чингисхана и его преемников, убийство князя Федора приобретает характер закономерного следствия его отказа повиноваться Бату. Вину Федора усугубляло то обстоятельство, что нарушение присяги было совершено во время военной кампании, когда к нарушителю применялась высшая мера наказания.

Таким образом, требование Бату, касавшееся жены рязанского князя, могло иметь реальную основу, соответствующую идеологии и практике Монгольской империи периода великих завоеваний. Вместе с тем такое требование можно оценить как особое и почти исключительное, к подобным мерам в отношении своих христианских и мусульманских подданных монгольские правители прибегали очень редко. Пересказанная в «Повести о разорении Рязани» история могла отразить такой редкий случай, произошедший при первом контакте русских князей с Бату, в условиях взаимной настороженности, недоверия и недопонимания, спровоцировавших острый конфликт.

Плата за мир

Впрочем, строго следуя показаниям нашего единственного источника — «Повести о разорении Рязани», — мы не можем утверждать, что присяга верности монгольскому правителю действительно была принесена Федором и что Бату потребовал от него покорности как от своего вассала. Возможно, молодой рязанский князь не имел разрешения на это от своих старших родственников. Однако, прибыв в ставку Бату с дарами и вступив в мирные переговоры, он вольно или невольно принимал на себя определенные обязательства, от которых нельзя было безнаказанно отказаться.

Отказ от принесения вассальной присяги во время мирных переговоров, когда уже была запущена процедура признания монгольского суверенитета, не мог остаться без последствий: отступник должен был понести такое же наказание, как и нарушитель вассальной присяги. Об этом свидетельствует случай с другим русским князем, Михаилом Всеволодовичем Черниговским, прибывшим искать милости Бату и казненным по его приказу в сентябре 1246 г. за отказ от исполнения ритуала, символизировавшего покорность монгольскому правителю (см.: [Горский 2006]). Через год судьбу князя Михаила едва не разделил папский посол Асцелин Ломбардский за аналогичный отказ. Насколько можно судить, от неминуемой расправы Асцелина спасло то обстоятельство, что он был не правителем, а только простым послом [SQ XXXII.42–44].

Возможно, рязанские князья имели лишь приблизительное и неполное представление о требованиях монголов, обязательных для заключения мира, и по этой причине сочли, что главное из них — богатые дары для хана: «…нечестивого надлежит утолить дарами», — говорят на своем совете старшие князья, отправляя Федора к Бату [Повесть: 140–141]. Однако монголы смотрели на дело иначе. Для них главным условием мира были отнюдь не дары, а следовавшая за ними по сценарию ритуала присяга на верность, предполагавшая полное и безусловное подчинение сюзерену.

В отличие от рязанцев, никаких сомнений на этот счет уже не мог иметь новый великий князь Ярослав, брат убитого монголами Юрия Всеволодовича. Как можно заключить по нескольким намекам в отчете Плано Карпини, во время очередного визита в ставку Бату Ярослав Всеволодович женился третьим браком на родственнице (вероятнее всего, сестре) основателя Золотой Орды (зима 1245 / 1246 г.) [Домбровский 2015: 560; Горский 2020: 34–37]. Тем самым новый правитель Владимира, Суздаля и Киева рассчитывал укрепить свое положение старшего князя Руси и главного союзника монголов. Однако родство с Джучидами не принесло удачи этому русскому князю, меньше чем через год убитому в Каракоруме, когда к власти в империи пришел Гуюк, непримиримый враг Бату (см.: [Горский 2014]).

Примечательно, что в дальнейшем, вопреки обычной монгольской практике, Бату никогда не делал никаких брачных предложений в адрес кого бы то ни было из русских князей. Насколько нам известно, в русских летописях, для которых тема отношений с монголами становится одной из главных, не зафиксировано ни одного случая такого рода. Этот факт предполагает существование какого-то негласного запрета на браки монголов с русскими (или на упоминание о них в летописях), возникшего еще в начальный период правления Бату,

который никогда не был отменен полностью. Как мы уже говорили, во второй половине XIII — начале XIV в. известны лишь несколько случаев односторонних браков русских князей с родственницами монгольских правителей.

Трагическая история, отразившаяся в «Повести о разорении Рязани», обнаруживающая глубокое несоответствие в отношении к браку у монголов и русских, до некоторой степени объясняет этот загадочный феномен. Если монгольские правители считали возможным подарить свою жену боевому соратнику за его особые заслуги перед сюзереном (как это сделал однажды сам Чингисхан, подаривший Чжурчедаю одну из своих старших жен Ибаку [SHM: 140–141, 789–792; ТИМ: 162 (§ 208)] (см. также: [Togan 1998: 100–106; Broadbridge 2018: 81–83]), то для русских князей подобное поведение было неприемлемым.

Брачные союзы и политическая лояльность

В источниках неоднократно отмечаются случаи, когда монгольские правители требовали от своих вассалов (вне зависимости от их культурной или религиозной принадлежности) принятия и соблюдения определенных норм морали и права, в том числе регулирующих сферу брачных отношений, даже если последние воспринимались как неприемлемые и прямо противоречили брачным нормам и культурным запретам реципиентов. Собственно говоря, именно случаи такого рода прежде всего получили отражение в источниках, происходящих как из христианской, так и из мусульманской культурной среды.

По-видимому, стратегическое значение, которое Чингизиды придавали семейно-брачным отношениям как действенному инструменту формирования военной и политической структуры глобальной империи, предписывало особые требования к соблюдению монгольских брачных законов. Чтобы занимать определенное место в имперской иерархии, нужно было стать родственниками Чингизидов по браку или по меньшей мере безусловно принимать установленные ими брачные законы и ритуалы и подчиняться им. Такой путь, с одной стороны, обеспечивал приобщение к монгольскому политическому классу, воспринимавшемуся как большой родственный коллектив или одна расширенная семья, живущая по единым законам (см.: [Рыкин 2003]). С другой стороны, принимая брачные нормы Чингизидов и отрекаясь от своих прежних законов, новые вассалы монгольских правителей демонстрировали им свою безусловную лояльность.

Атабек Аваг был первым кавказским правителем, покорившимся монголам (1236 г.). После этого он стал самой влиятельной фигурой при грузинском королевском дворе и де-факто правителем Армении. В 1240 или 1241 г. монгольские администраторы отправили его к Великому хану, который благосклонно принял Авага и подарил ему монгольскую жену (см.: [Dashdondog 2011: 71–74]). Смбат Спарапет, старший брат короля Киликийской Армении Хетума I, также имел монгольскую жену и сына от нее, известного как Василий Татарин, который стал главнокомандующим киликийскими войсками и погиб в битве с султаном Египта в 1269 г. [Галстян 1962: 9, 122; Der Nersessian 1973: 373, 374].

Вступив в брак с монголками, оба упомянутых представителя армянской аристократии имели одновременно монгольских и христианских жен, т. е. поступали сообразно монгольскому закону, допускавшему полигамные браки. Во всяком случае, ко времени женитьбы на монголках Аваг и Смбат уже были женатыми людьми, имевшими детей от христианских жен, и ничто не указывает на прекращение этих прежних браков. Армянская церковь, хотя и осуждала такие отступления от христианского закона, вынуждена была мириться с ними под давлением политических обстоятельств [Dashdondog 2011: 94]. Правивший в Восточной Грузии царь Деметре II одновременно был женат на трех женщинах: дочери трапезундского императора и двух монголках [Vashalomidze 2012: 318; Dashdondog 2011: 180, note 232]. Отказывавшийся признавать такой брак католикос Николоз II вынужден был сложить с себя сан и передать полномочия другому, более уступчивому иерарху [Цулая 2005: 123–124].

Роберт Бедросян отмечает, что к концу XIII в., несмотря на протесты со стороны церкви, многие представители армяно-грузинской знати полностью переняли монгольскую практику многоженства, что способствовало укреплению их политических связей не только с монголами, но и с другими правителями региона [Bedrosian 1979: 190, note 7].

С большой вероятностью мы можем предполагать, что от русских князей, бравших в жены монгольских женщин, в том числе родственниц ханов, последние могли ожидать или даже требовать подобного брачного поведения. Правда, в источниках не найти прямых доказательств на этот счет, однако едва ли для русских могли быть сделаны какие-то исключения. Тем более если учитывать, что основатель Золотой Орды специально требовал от русских князей подчинения монгольскому брачному закону, когда они женились на русских женщинах.

Плано Карпини и Ц. де Бридиа передают важный для нас случай, произошедший во время их пребывания во владениях Бату. По приказу последнего был казнен черниговский князь Андрей (вероятно, Андрей Мстиславич, погибший в 1245 г. [ПСРЛ (15): 31]), обвиненный в краже монгольских лошадей. После этого Бату приказал младшему брату Андрея «взять в жены вдову его брата и даже публично уложил их вместе в одну постель на глазах у остальных», — сообщает Ц. де Бридиа [НТ: 28 (§ 42); Painter 1965: 92].

Более подробно эту сцену описал Карпини. Младший брат и вдова казненного русского князя прибыли к Бату «с намерением упросить его не отнимать у них земли».

> Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю Татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным [ПК: 30; РС: 238–239 (III.6)].

Вероятно, этот случай передан францисканцами со слов и в интерпретации русского очевидца. Однако у нас нет оснований сомневаться насчет ре-

альности описанного происшествия, поскольку оно полностью соответствует хорошо известному у монголов обычаю левирата, по которому каждая вдова имела право или даже была обязана вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь с его братьями (см.: [Holmgren 1986: Birge 1995]).

Реалистичность описанной Карпини сцены подчеркивается наличием двух характерных деталей: монголы принуждают юного черниговского князя к полному, а не условному совокуплению с вдовой его брата, и это совокупление происходит на глазах у множества свидетелей. Таким способом навязанный монголами брак был надежно зафиксирован, и от него новым супругам невозможно было отказаться после их возвращения из ставки Бату в Черниговскую землю.

Как видно из приведенного описания, Бату не только требовал, но и насильно принуждал своих русских подданных подчиняться монгольскому брачному закону. По-видимому, это была повсеместная практика, действовавшая в Монгольской империи. Известно, что в правление Хубилая монголы жестко требовали соблюдения левирата от своих подданных в Китае [Birge 1995: 120–124]. Питер Джексон отмечает, что монголы, хотя и не преследовали своих подданных на религиозной почве, усиленно насаждали среди завоеванных оседлых народов некоторые обычаи и практики, характерные для кочевников Внутренней Азии, в том числе левират. Это воспринималось как способ установления политического господства [Jackson 2005b: 259–260].

В свою очередь, неукоснительное соблюдение монгольских обычаев должно было обеспечить русским князьям, как и другим подданным хана, сохранение, а в некоторых случаях и повышение их прежнего статуса, поскольку должным образом удостоверяло их лояльность в отношении нового сюзерена.

Требуя себе жену рязанского князя Федора Юрьевича, Бату утверждал свое право вмешиваться в семейно-брачные отношения русских князей, грубо ломая их традиционный порядок и добиваясь тем самым полного подчинения своей власти.

Может быть, эта трагическая история, известная, по-видимому, не только в Рязанской земле, предопределила отмеченное нами выше осторожное отношение к взаимным брачным связям со стороны как монгольских правителей, так и русских князей, последовательно отказывавшихся отдавать своих женщин замуж в Орду. Строго говоря, и сами русские князья женились на монгольских принцессах только в первое, наиболее тяжелое для Руси столетие отношений с Золотой Ордой. Кроме того, мы не знаем ни одного подтвержденного случая добровольного следования русскими князьями монгольским брачным обычаям, будь то полигамия или левират, если не считать случаев силового принуждения, подобных описанному францисканцами эксцессу с молодым черниговским князем.

Нечестная игра

Несмотря на то что Великий Западный поход, санкционированный курултаем 1235 г., имел общеимперский характер и в нем участвовали монгольские принцы, происходившие из семей всех четырех старших сыновей Чингисхана

(включая старшего сына правящего императора), участники кампании преследовали не только общеимперские цели. Наряду с подчинением кипчаков и дальнейшим расширением Монгольской империи на Запад, предполагавшим завоевание Венгерского королевства и, возможно, других стран Центральной Европы, уже на этапе планирования Западного похода цель кампании была ограничена расширением территории улуса Джучи за счет его ближайших соседей. Конечно, улус Джучи оставался частью Монгольской империи, но в силу особого положения своего основателя обладал определенной автономией.

Согласно Джувейни и Рашид ад-Дину, хан Угэдэй первоначально собирался лично возглавить Западный поход, главной целью которого считал подчинение кипчаков. Однако в ходе дальнейшего обсуждения участники курултая существенно скорректировали этот первоначальный замысел: во главе кампании были поставлены Бату, Менгу и Гуюк, а ее целями помимо кипчаков были определены также Русь, Волжская Булгария и некоторые другие области и народы Поволжья и Северного Кавказа [Juvaini: 268–269].

Согласно «Тайной истории монголов», общее командование походом в итоге было возложено на Бату [SHM: 201, 989–991; ТИМ: 191–192]. Однако его возможности как главнокомандующего были ограничены. Монгольская армия, предназначенная для похода на Запад, фактически состояла из нескольких автономных дивизий или корпусов во главе со своими весьма амбициозными командирами, двое из которых — Гуюк и Менгу — претендовали на верховную власть в империи и через некоторое время стали императорами. Кроме того, структурно западная армия делилась на две части — левое и правое крылья. Левое крыло состояло из тех, кто был призван из «центра» (*ghol*) Монгольской империи, т. е. из владений Угэдэидов и Толуидов, и находился под командованием Гуюка. Правое крыло, которым непосредственно командовал Бату, формировалось во владениях Джучидов и Чагатаидов. Эти два крыла обычно действовали отдельно друг от друга, за исключением нескольких случаев. Еще одним фактором, ограничивавшим роль Бату, было назначение Субэдэя, самого опытного и авторитетного из монгольских генералов, в качестве координатора всей кампании [Kim 2005: 314].

Тем не менее благодаря своему положению главнокомандующего, которое, несомненно, было важнейшим политическим успехом Джучидов, достигнутым в результате закулисной борьбы и компромисса между старшими Чингизидами, Бату получил возможность влиять на общий ход кампании и выбор ее тактических целей, исходя из собственных интересов, которые не всегда и не во всем совпадали с интересами других участников похода. Разумеется, Бату прежде всего был заинтересован в расширении территории своего улуса. В конце 1220-х — начале 1230-х годов такую задачу Джучиды пытались решать собственными силами, развернув экспансию в Нижнем Поволжье и Волго-Уральском регионе. Однако этих сил не хватало, чтобы добиться решающего успеха (см.: [Korobeinikov 2008: 389–390; Измайлов 2009: 138–141]).

Другие Чингизиды, участники Западного похода, разумеется, чувствовали в действиях Бату эгоистический интерес и выражали свое недовольство его односторонними решениями на посту главнокомандующего, а также стремле-

нием направить кампанию и распределить ее результаты в пользу своей семьи. Однажды Бату даже должен был пожаловаться Угэдэю на неподобающее поведение двух из четырех главных участников похода — Гуюка (сына Угэдэя) и Бури (внука Чагатая), публично оскорбивших Бату во время пира и заявивших, что он дискредитировал себя как главнокомандующий [SHM: 206; ТИМ: 194 (§ 275)] (см. также: [Kim 2005: 314–320; Porsin 2020]). Третий из главных участников Западного похода — Менгу (сын Толуя) — вместе с другими эмирами вступился за Гуюка и Бури перед Угэдэем (§ 276–277), что позволило им избежать наказания за неповиновение своему командиру во время войны, которое при других обстоятельствах могло быть расценено как тяжкое преступление (см.: [Ratchnevsky 1987: 89–90]).

Бату не простил своих обидчиков и сумел поквитаться с одним из них: по его настоянию в 1251 г. был казнен Бури. Гильом де Рубрук, проезжавший через бывшие владения Бури в 1254 г., слышал историю о том, как этот последний публично негодовал по поводу доставшихся ему после Западного похода бедных пастбищ, тогда как лучшие пастбища на Волге Бату взял себе. Узнав об этом, Бату приказал людям Бури доставить их господина к нему и спросил, произносил ли тот подобные слова. Бури признал вину, оправдываясь тем, что был пьян. Раскаяние и оправдания не помогли, и Бури был казнен [GR: 112–113; BP: 125] (см. также: [Atwood 2007: 13–14]).

Сообщение «Тайной истории монголов» о ссоре Бату и Гуюка (§ 275–277) почти наверняка является поздней вставкой, имевшей целью бросить тень на Угэдэидов, чтобы тем самым оправдать насильственное отстранение их от власти, совершенное в начале 1250-х годов Толуидами и Джучидами [SHM: 1014]. Поэтому обвинения, предъявленные Гуюком в адрес Бату, выглядят как грубые и немотивированные личные оскорбления, компрометирующие не столько Бату, сколько его обвинителей. Однако из приведенных далее слов Угэдэя, отчитавшего Гуюка за неповиновение Бату как старшему военачальнику, явствует, что претензии к последнему имели реальные основания и касались его роли в русской кампании: «По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата», — выговаривал Угэдэй Гуюку [SHM: 208; ТИМ: 195].

Таким образом, проведенный с большим размахом и внешним блеском Великий Западный поход монголов, завершившийся грандиозными завоеваниями и огромной добычей, привел к острому конфликту между его главными участниками. Мы можем определить, на каком этапе возник этот конфликт. Если проведенная Чингизидами в 1236–1237 гг. кампания против Волжской Булгарии и других стран и народов Волго-Уральского региона не вызвала заметных разногласий или нареканий в адрес Бату как главнокомандующего, то в ходе завоевания Руси монгольские принцы поссорились друг с другом и часть из них отказала в доверии своему предводителю. Попробуем выяснить причину ссоры.

Как известно, через некоторое время после завоевания Средней Азии Чингисхан разделил свои владения между сыновьями. Джувейни сообщает:

> Своему старшему сыну Туши (Джучи. — *А. М.*) он передал территорию, простирающуюся от районов Каялыка (современная Алматин-

> ская область Казахстана. — *А. М.*) и Хорезма до самых отдаленных частей Саксина (в низовьях Волги. — *А. М.*) и Булгара (территория волжских болгар. — *А. М.*), настолько далеко, насколько сможет проникнуть копыто татарского коня [Juvaini: 42].

Таким образом, по воле основателя империи в состав улуса Джучи были переданы территории к западу от Иртыша и Нижней Амударьи вплоть до Волги [Кляшторный, Султанов 2004: 200]. Поэтому передача Бату и членам его семьи территорий между Уралом и Волгой, завоеванных на первом этапе Западного похода, другими Чингизидами воспринималась как справедливая мера, восстанавливающая наследственные права Джучидов, подтвержденные курултаем 1235 г.

Однако территории, располагавшиеся к западу от Волги, включая земли куманов и русские княжества, не могли считаться достоянием одних только Джучидов, поскольку были завоеваны общими силами всех участвовавших в Западном походе монгольских принцев. Когда Бату начал заявлять претензии также и на завоеванные под его руководством земли к западу от Волги, допуская произвольные трактовки завещания Чингисхана, это вызвало недовольство других Чингизидов и привело к острому конфликту с Гуюком, Бури и другими участниками кампании.

Южная Русь и ее главный и самый богатый город Киев были заранее определены в качестве целей монгольских завоеваний на Западе (ТИМ. § 262, 270; подробнее см.: [Maiorov 2021b]). Непосредственно граничащие со степью земли Южной Руси, князья которых были родственниками и военными союзниками западных кипчаков (половцев), естественным образом входили в зону монгольской экспансии. Однако удаленная от степи, покрытая лесами и болотами Северо-Восточная Русь, как мы уже видели, едва ли могла быть привлекательной для завоевателей с точки зрения их общих интересов. Это обстоятельство заставляет предполагать, что именно в ходе завоевания Северо-Восточной Руси должны были начаться противоречия между Бату и другими монгольскими принцами.

Обман и провокация

Почувствовав колебания рязанских князей и не будучи уверенным в их полной лояльности, Бату мог намеренно спровоцировать срыв мирных переговоров, предъявляя заведомо невыполнимые требования. Не случайно мотив провокации отчетливо звучит в «Повести о разорении Рязани». Орудием провокации выступают рязанские бояре, которые вольно или невольно предают своего князя Федора Юрьевича и, принимая сторону захватчиков, раскрывают перед Бату тайну Федора, имевшего красавицу жену из царского рода. Воспользовавшись этим предательством, Бату не только потребовал себе жену рязанского князя, но и казнил последнего за отказ от повиновения.

Несомненно, Бату мог найти оправдания своим действиям в обычном праве монголов, прецедентах, созданных Чингисханом и Угэдэем, и особых привилегиях, которыми пользовались Чингизиды. Однако враждебные Бату монгольские принцы, такие как Гуюк и Бури, могли увидеть в его действиях

превышение полномочий и воспользоваться этим для сведения личных счетов. Косвенным подтверждением нашему предположению служат встречные обвинения в адрес Гуюка, очевидно, сделанные Бату, которые затем повторил Угэдэй: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица» [SHM: 208; ТИМ: 195]. Такую неслыханную жестокость Гуюк будто бы проявлял как раз во время русской кампании. Сообщив об этом Угэдэю, Бату как бы дезавуировал подобные обвинения в свой адрес.

Разумеется, оппонентов Бату меньше всего волновала судьба рязанских князей, как и Северо-Восточной Руси вообще. Однако атака рязанцев на ставку Бату, вызванная провокационными действиями последнего, позволила предводителю Западного похода внести существенные изменения в общий план кампании и добиться того, чтобы силы всех монгольских принцев были перенаправлены на Северо-Восточную Русь. Тем самым свое положение главнокомандующего Бату в полной мере использовал для расширения и укрепления собственного улуса, вопреки интересам других Чингизидов, стремившихся прежде всего к захвату кипчакских степей и дальнейшему продвижению на Запад. Потратив значительные силы и время на завоевание Северо-Восточной Руси, Гуюк, Бури и другие участники похода не получили для себя тех выгод, на которые в праве были рассчитывать.

Сейчас уже нельзя в точности сказать, что именно побудило Бату прибегнуть к провокации в разгар мирных переговоров с рязанцами. Если допустить, что недостаточно опытный в дипломатических делах Федор так или иначе согласился с требованиями Бату и готов был принять выдвинутые им условия мирного подчинения, то оставались еще старшие рязанские князья, которые, согласно «Повести о разорении Рязани», не участвовали в переговорах с монголами, а только наблюдали за ними со стороны. Никто из старших князей ничего не обещал Бату лично и, находясь где-то неподалеку, даже не посетил его ставку.

Какими бы ни были первоначальные намерения Бату, его переговоры с рязанцами в конечном итоге были проведены в соответствии с тактикой, детально описанной в отчете Плано Карпини, которую можно было бы назвать тактикой обмана и провокации.

Папский посланник сообщает, что поначалу татары предъявляют мягкие требования, но, как только кто-то подчинится им, требования становятся все более жесткими, и давление усиливается:

> Сначала они действительно гладкие, но в конце концов они жалят, как скорпион ‹…› Любое зло, которое они собираются причинить другим, они замечательно скрывают, чтобы последние не могли принять никаких мер предосторожности и никаких средств против их хитрости (IV.6).

В дальнейшем Карпини неоднократно возвращается к этой характеристике и дополняет ее новыми яркими штрихами:

> Когда они [татары] имеют полную власть над ними [покоренными народами], если они дают им какие-либо обещания, то не выполняют

> их; скорее они находят причины предъявлять к ним все возможные чрезвычайные требования, какие только могут найти (VII.3).

Кроме того,

> …они [татары] нарушают любые обещания, которые они дают, как только видят, что ситуация повернулась в их пользу, и они полны обмана во всех своих делах и заверениях (VIII.3).

Чтобы удержать покорившихся им людей в повиновении, татары не жалеют ложных обещаний и посулов всевозможных благ:

> …они доходят до того, что обещают сделать их могущественными владыками. Но после того, как могут быть уверенными, что они не уйдут, превращают их в самых несчастных рабов и точно также поступают с их женщинами, которых хотят взять себе в качестве слуг и наложниц (VIII.6) [ПК: 35, 55, 60–61; РС: 247, 285, 294, 296].

Последняя характеристика как будто специально списана Карпини с истории, произошедшей во время мирных переговоров Бату с рязанскими князьями, как она представлена в версии средневекового русского книжника. Во всяком случае, Федор Юрьевич и другие рязанские князья, как кажется, могли бы полностью подтвердить правоту западного наблюдателя. Это и неудивительно, ведь Карпини в значительной мере основывал свой анализ на фактах, о которых он узнал во время пребывания на Руси или получил от христиан, найденных при дворах Бату и Гуюка, среди которых заметную роль играли венгры, «знающие латынь и галльский», а также русские — князья, священники и искусные ремесленники, захваченные монголами в результате успешных походов в Восточную Европу (см.: [Guzman 1996: 58–60; 2010: 131–133; Горский 2014: 185]).

Эта общая особенность информации о монголах, собранной францисканцами, несомненно, была обусловлена лингвистической квалификацией участников экспедиции, и в частности брата Бенедикта Поляка. Его, как знавшего русский язык, Карпини взял с собой, решив ехать к монголам через русские земли [РС: 228; ПК: 24] и поначалу надеясь, что его путь закончится если не в самой Руси, то где-то неподалеку, во владениях ближайшего к ней монгольского правителя. В действительности Бенедикту пришлось сопровождать Карпини до самого Каракорума, оставаясь его переводчиком и едва ли не единственным источником или, точнее, ретранслятором информации, которую руководитель и другие участники миссии могли воспринимать более или менее адекватно.

Вскрывая истинные цели монголов на Западе, Карпини утверждал, что у них был тайный план полного уничтожения правителей и знати у всех покоренных народов:

> Их цель — стереть с лица земли всех государей, вельмож, рыцарей и людей благородного происхождения, как уже было сказано, и они коварно и искусно делают это с теми, кто был в их власти (VIII.4).

Еще раз подчеркнем, что это и подобные заключения Карпини сделал, прежде всего анализируя факты взаимоотношений монголов с русскими князьями, которые он систематически собирал и последовательно описывал для обоснования своих выводов:

> Против некоторых также они фабрикуют причины, чтобы их казнить, как было сделано с Михаилом [Черниговским] и с другими; некоторым же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они убивают с помощью снадобий или яда; ибо намерение татар состоит в том, чтобы они одни правили миром (VII.5) [ПК: 55–56, 60; РС: 286, 295].

Последнее умозаключение сделано непосредственно на основе фактов отношений монголов с русскими князьями, будь то Михаил Черниговский или Ярослав Владимиро-Суздальский, с которым Карпини встречался лично накануне его трагической гибели в Каракоруме (см.: [Горский 2014]). О судьбе князей Михаила и Ярослава известно также по русским источникам, сведения которых в целом соответствуют показаниям папского посланника. Ограничиваясь только фактами, непосредственно относящимися ко времени своей поездке на Восток, Карпини не упоминает никого из рязанских князей, погибших десятью годами ранее. Однако едва ли можно сомневаться, что их трагический опыт также отразился в его отчете. Этим мы можем объяснить постоянные упоминания Карпини о коварстве и лживости монголов, его уверенность в том, что любые их обещания и мирные предложения ничего не стоят, так как преследуют лишь одну цель — сбить с толку, запутать и обмануть их противников.

Именно в таком свете должны были воспринимать монголов рязанские князья, а вслед за ними и многие другие русские современники Батыева нашествия. Первоначально «гладкие» и даже заманчивые мирные предложения монголов сменились новыми «чрезвычайными требованиями», как только рязанские князья согласились вступить в переговоры с завоевателями, в итоге последние стали обращаться с рязанцами и их женщинами как с рабами. Монголы не собирались исполнять своих обещаний, жестоко обманув поверивших им рязанских князей, поскольку изначально имели целью убить их, чтобы захватить их землю и править ею.

Такой, в сущности, взгляд на мирные предложения Бату представлен автором «Повести о разорении Рязани». Посольство, доставившее мирные предложения Бату в Рязань, названо здесь бездельным («послы бездѣлны»), т. е. пустым, бесполезным, напрасным, поскольку пустыми и напрасными оказались обещания, которым поверили рязанцы. Сам Бату постоянно характеризуется в повести как «безбожный царь», который был «лжив и немилосерд», и его обещания не воевать с рязанцами были ложью от начала и до конца («охапися лестию не воевати Резанския земли»).

Описывая завоевательную стратегию монголов, сводившуюся будто бы к истреблению правителей всех подчинившихся им народов, Карпини не заметил никаких признаков существования стратегии семейной конфедерации, которую монголы, как мы видели, систематически использовали со времен Чингисхана. Маловероятно, что эта стратегия, сыгравшая существенную

роль в создании Монгольской империи, ко времени Великого Западного похода утратила актуальность и отошла в прошлое. Ее следы, как уже отмечалось, заметны в практике подчинения правителей Кавказа и Анатолии, а также в требованиях к венгерскому королю Беле IV золотоордынского правителя Берке.

Более вероятно, на наш взгляд, другое объяснение: в своей общей характеристике завоевательной стратегии монголов Карпини следовал тому ее пониманию и толкованию, которое сформировалось тогда на Руси и которое он мог слышать от своих русских информаторов. В основе этого понимания лежали реальные факты взаимоотношений монголов с русскими, в том числе передаваемые автором «Повести о разорении Рязани». Этот русский книжник, хотя и знал подробности мирных переговоров рязанских князей с Бату, в том числе знал о его брачных предложениях, не придал им значения, так как после гибели рязанских князей и разорения Рязани воспринимал переговоры с монголами исключительно как обман и провокацию последних. В сообщении Новгородской первой летописи детали мирных переговоров рязанских князей с Бату и вовсе пропущены как несущественные.

Таким образом, часть общих выводов о монголах Карпини сделал на основе своего «русского досье», а также под впечатлением от ужасной смерти великого князя Ярослава Всеволодовича, отравленного в Каракоруме. Поэтому в отчете папского посла отразилось прежде всего русское понимание завоевательной концепции монголов, сложившееся в первые годы русско-монгольских отношений, когда казалось, что завоеватели стремятся к полному истреблению правителей всех стран и народов, которые могли представлять реальную или потенциальную угрозу их власти.

Узнав о требованиях Бату, рязанские князья, как и венгерский король Бела, не спешили принимать условия завоевателей. Возможно, рязанцы уже что-то слышали о коварстве и лживости монголов. В любом случае они должны были помнить, как в 1223 г. монголы обманули великого князя Мстислава Романовича Киевского и других князей Южной Руси, выманив их из укрепленного лагеря на берегу злосчастной реки Калки ложными обещаниями сохранить жизнь и освободить за выкуп, а вместо этого жестоко убили [ПСРЛ (3): 63]. Общая настороженность и недоверие, которое, скорее всего, заранее испытывали рязанцы к монголам, разумеется, влияла на их договороспособность и ограничивала возможность взаимопонимания, тем более что русские вообще мало знали тогда о монголах и их обычаях.

Убедившись в невозможности подчинения всех рязанских князей мирными средствами, Бату должен был форсировать переговоры выгодным для себя образом. Выдвигая новое требование, касавшееся жены князя Федора, монгольский предводитель скорее всего понимал, какую реакцию оно должно вызвать. Весьма вероятно, что со стороны Бату это была заранее подготовленная провокация, проведенная с помощью кого-то из предателей-бояр. Спровоцировав рязанцев первыми атаковать свой лагерь, монгольский предводитель получил законный повод обратиться за военной помощью ко всем участникам Западного похода.

Последний ответ рязанцев

Вернемся к содержащемуся в «Повести о разорении Рязани» эпизоду русской атаки на ставку Бату, альтернативному ранней летописной версии борьбы рязанцев с монголами. Если в Новгородской первой летописи сообщается, что князья бились в осаде, защищая Рязань, когда ее уже обступили вражеские войска, то в повести рассказано о том, что рязанцы выступили навстречу монголам и дали им бой на границе Рязанской земли. Узнав о гибели своего сына Федора, рязанский князь Юрий Игоревич вместе со своими братьями первым атаковал монголов, когда они еще находились в своем лагере на реке Воронеж. Силы были неравными, и большинство рязанских «удальцов» во главе со своими князьями погибли в бою [Повесть: 144–145].

В более сжатом виде сообщение о первом боевом столкновении русских с монголами, произошедшем у границ Рязанской земли, встречается в некоторых поздних летописях [ПСРЛ (10): 105–106; ср. (6/1): 288–289; (4): 215; (15): 366; (25): 126].

Нет сомнений в том, что эта поздняя версия, прежде всего в том виде, как она представлена в «Повести о разорении Рязани», возникла в результате переоценки действительности, литературной переработки с элементами художественного переосмысления и героизации подвига рязанцев. Тем не менее мы не станем полностью отрицать, что приведенный выше эпизод мог иметь реальную основу.

Как мы уже видели, из сообщения Новгородской первой летописи следует, что во время переговоров с Бату рязанские князья находились где-то неподалеку от его ставки в Нузле, расположившись походным лагерем на реке Воронеж. Чтобы переговоры могли состояться, кому-то из них нужно было лично прибыть к Бату и затем обеспечивать постоянную связь между двумя лагерями — монгольским и русским, устроенными друг против друга по течению одной и той же реки. В отличие от новгородской летописи рязанская повесть сохранила имя этого князя-переговорщика.

Прежде чем получить личную аудиенцию у монгольского правителя, любому иностранцу нужно было совершить специальный очистительный обряд. Старшие князья, возможно, не пожелали пройти через эту языческую процедуру, обычно вызывавшую настороженность у русских, и в результате перед Бату оказался молодой и неопытный князь Федор. Его, как, очевидно, и других князей, прибывших на переговоры с монголами, сопровождали их бояре и дружины. Следовательно, русские князья могли иметь под рукой некоторую военную силу, чтобы ответить на убийство своего парламентера.

Более того, если допустить, что какой-то рязанский отряд действительно атаковал монголов у реки Воронеж, мы получим возможность представить общий ход событий, предопределивший печальную судьбу Рязанской земли, восстанавливаемый на основе свидетельств всех известных нам источников.

Локальная пограничная стычка, каковой в действительности могла быть описанная в повести атака рязанцев, когда они еще могли, пусть даже от отчаяния, ответить на убийство своего князя, не имела заметного военного результата, но должна была кардинально изменить политическую обстановку. После этого инцидента Бату прекратил мирные переговоры с русскими князьями и начал готовиться к военной операции.

Насколько можно судить, перемену в планах монголов относительно Руси заметил венгерский доминиканец Юлиан, проведший лето и часть осени 1237 г. во Владимиро-Суздальской и Рязанской землях. Ранее посетивший Рим и принятый папой Григорием IX (1236 г.), Юлиан, очевидно, имел полномочия главы специальной доминиканской миссии, которая, подобно другим папским миссиям на Восток, имела двойное назначение: под прикрытием внешне заявленных прозелитических целей она должна была собрать необходимую для Запада разведывательную информацию о монголах. Поэтому отчет Юлиана изобилует сведениями о монгольских тактических приемах ведения войны; о предшествующих военных кампаниях Чингисхана и Джучи и о монгольских завоеваниях в начальной стадии Западного похода [Хаутала 2015: 50].

Побывав при дворе великого князя Юрия Всеволодовича и получив от него монгольский ультиматум с угрозами в адрес венгерского короля, Юлиан был уверен, что целью начатого монголами похода на Запад является Венгерское королевство. В то же время, ссылаясь на информацию, полученную из других источников, Юлиан утверждает, что монголы приняли решение напасть на Русь и только «ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских» [Dörrie 1956: 173–174; Хаутала 2015: 386].

Рашид ад-Дин приводит важное для нас сообщение, отсутствующее в других источниках и позволяющее представить более полную картину происходящего. Осенью 1237 г. все монгольские принцы, участвовавшие в Западном походе, собрались на курултай, на котором было принято решение начать войну против Руси: «Осенью того же года все князья, которые были в этих краях, провели курултай, и все вместе отправились на войну против орусов» [РД (2): 38; RD: 327]. Ранее, как мы уже видели, Рашид ад-Дин вслед за Джувейни говорит о том, что первоначально целью Западного похода монголов, обсуждавшейся курултаем 1235 г., были западные кипчаки [Juvaini: 196–200; RD: 324] (см. также: [Göckenjan 1991: 38–39; Zimonyi 2014: 329–332]). Анализ свидетельств, представленных официальной историографией династии Юань, приводит нас к такому же выводу. По словам Томаса Оллсена, «...имперские указы, инициировавшие Западную кампанию, по крайней мере в той форме, в которой они зафиксированы в китайских источниках, неизменно называют кипчаков в качестве ее цели, за исключением тех случаев, когда перечисляются все территории, предоставленные Джучи и его наследникам (т. е. *Кипчак*, *Русь*, *Алания* и т. п.). Более того, в излагаемых “Юань-ши” биографиях тех военных командиров, кто служил на западе, операции 1236–1241 гг. обычно именуются *Кипчакской кампанией*. Русичи тоже упоминаются в этих источниках, но это название никогда само по себе не используется для обозначения походов на запад ‹…› Следовательно, покорение кипчаков, а не завоевание Руси было главной целью Западной кампании, начавшейся в 1236 г.» [Allsen 1983a: 22].

Очевидно, созыв нового курултая, внесшего важные коррективы в первоначальные планы монголов и, по сути, перенаправившего их главный удар на Русь, был вызван соответствующими изменениями стратегической обстановки на Западном фронте.

По всей видимости, в начале осени 1237 г. Бату выбирал между двумя возможными сценариями подчинения Северо-Восточной Руси — мирным (через переговоры и брачный союз) и военным. В подобных случаях монголы всегда начинали с мирных переговоров, подкрепляя свои требования о добровольном подчинении демонстрацией военной силы, готовой к боевому применению.

Согласно Новгородской первой летописи, монголы подошли к русским границам «безвестно», т. е. скрытно от рязанцев, поскольку прошли «лесом» и появились там, где их не ждали [ПСРЛ (3): 74] (см. также: [Хрусталев 2015: 135]). Обманув таким образом русских, они имели возможность для неожиданного нападения на главные рязанские города, но не воспользовались ею, как бы подчеркивая свое намерение решить дело миром. И только после провала переговоров с рязанцами, используя свое военное превосходство, монголы реализовали военный сценарий.

По данным русских источников, монгольские войска подошли к Рязани 16 декабря 1237 г. и окружили ее частоколом, за которым расположили свои метательные машины, обстреливавшие город камнями и зажигательными снарядами [ПСРЛ (3): 286–287; Повесть: 144–145]. Эту картину дополняют несколькими важными деталями промонгольские источники. Согласно Рашид ад-Дину, в штурме Рязани вместе с Бату принимали участие еще шесть монгольских принцев — Орда, Гуюк, Менгу, Кулкан, Кадан и Бури [RD: 327; РД (2): 38–39]. Следовательно, на Рязань были брошены главные монгольские силы, и это обстоятельство выдвигает штурм Рязани в число важнейших операций всей Западной кампании. В нескольких разделах «Юань-ши» находим сведения о том, что штурм города продлился семь дней и потребовал личного участия в схватке монгольских принцев: в одном рукопашном бою отличился будущий хан Менгу [Abramowski 1979: 17; Храпачевский 2009: 181, 208]. В штурме города участвовал также высокопоставленный тангутский военачальник Hsi-li Ch’ien-pu (*Śiri Gambu) [Храпачевский 2009: 242] (см.: [Кычанов 2002: 80]). Если учитывать, что монголы, вероятнее всего, сами не производили селитру и не овладели навыками применения огнестрельного оружия в бою, эти задачи в монгольской армии решали прежде всего выходцы из Северного Китая, бывшие подданные империи Цзинь и тангутского государства Си Ся (см.: [Haw 2013]). Впрочем, нельзя точно сказать, применялось ли пороховое оружие в монгольской армии во время Великого Западного похода. Согласно Карпини, при штурме городов монголы использовали «греческий огонь» (*ignis Graecus*) (VI.15). Новейшие исследователи считают, что таким термином могла обозначаться горючая смесь, созданная на основе сырой нефти [Pow 2019: 239]. Как бы то ни было, ясно, что, стремясь во что бы то ни стало уничтожить Рязань, монголы использовали против нее все преимущества своей армии.

Еще одна женщина

Ранние русские летописи, кратко сообщающие о судьбе Рязани, не содержат сведений о личном участии Бату в мирных переговорах с рязанскими князьями. Лаврентьевская и Новгородская первая летописи вообще не упоминают предводителя захватчиков в своих повествованиях о монгольском нашествии на Русь. Версия «Повести о разорении Рязани» и некоторых поздних летопи-

сей, представляющая Бату в качестве главного действующего лица, выглядит более основательной, если исходить из того, что монгольский главнокомандующий должен был лично принимать решения, определявшие цели, общие для всех участников кампании, а также выбор средств для достижения этих целей.

В то же время при более внимательном рассмотрении сообщения Новгородской первой летописи о мирных переговорах рязанцев с монголами заметен некоторый след, непосредственно ведущий нас к Бату. Этот след оставила еще одна женщина, важная участница описываемых событий, сыгравшая не последнюю роль в судьбе Рязани. По словам летописи, монголы, прийдя к Нузле, «послали оттуда к рязанским князьям своих послов, женщину-чародейку и двух мужчин с нею» [ПСРЛ (3): 74]. Со времен И. Н. Березина принято считать, что главным участником монгольского посольства в Рязань была женщина-шаманка [Березин 1855: 113] (см. также: [Кривошеев 2015: 128–129]).

Христианские наблюдатели свидетельствуют о важной роли шаманов, прорицателей и колдунов, состоявших при монгольских правителях в период великих завоеваний на Западе. Согласно Плано Карпини, монголы «усиленно предаются гаданиям вообще ‹…› чародействам и волшебствам» [ПК: 31; PC: 240]. Гильом де Рубрук отмечает: колдуны и волшебники «указывают наперед дни счастливые и несчастливые для производства всех дел, отсюда Татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова» [BP: 176; GR: 262–265]. Ему вторит Киракос Гандзакеци: «Без повеления своих колдунов и кудесников [татары] не пускались в путь — [делали это] только с их разрешения». Этот же автор уточняет, что колдунами и прорицателями у монголов нередко были женщины: «Женщины их были колдуньи и гадали обо всем» [Boyle 1963: 208; KG: 236].

Бату был тем монгольским предводителем, кто сверял свои важнейшие решения с откровениями колдунов и прорицателей. Вместе с тем, следуя примеру Чингисхана, он мог обращаться к монгольским божествам непосредственно и получать от них необходимые указания и помощь перед решающими сражениями, как, например, перед битвой с венграми на реке Шайо (см.: [Pow, Laszlovszky 2019: 270–272]). По всей видимости, подобные религиозно-магические практики были важной частью завоевательной стратегии монголов, пока еще недооцененной исследователями.

По сообщению Симона де Сен-Квентина, накануне вторжения в Венгрию Бату провел магический сеанс, обратившись к «демонам» и призвав их на помощь:

> Собираясь войти в Венгрию, Бату принес жертвы демонам, советуясь с ними относительно того, смеет ли он пойти туда. Демон, обитавший в идоле, ответил ему: «Действуй смело. Потому что я пошлю перед тобой трех духов, благодаря которым твои противники не смогут противостоять тебе». Так и случилось [SQ XXXI.149] (см.: [Göckenjan 1991: 50]).

Плано Карпини, главный западный эксперт по монголам, описывая магические практики последних, приводит дополнительные сведения, которые выглядят как своего рода комментарий к сообщению Симона де Сен-Квентина:

> И, когда им [Тартарам] отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют *Итога* (*Utoga*), а Команы именуют его *Кам* (*Kam*); они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам [ПК: 31; РС: 240–241 (III.10)] (ср. [НТ: 28–29 (§ 42–43); [Painter 1965: 92]).

Доржи Банзаров первым показал, что Итога — это искажение монгольского названия богини земли Этуген. Не зная монгольского языка, Плано Карпини смешал имя богини земли со словом *удаган* (*идоган*), которым монголы называли женщину-шаманку, и поэтому отождествил имена *Итога* и *Кам*. В действительности речь здесь должна идти о двух различных понятиях — имени богини Этуген и тюркском слове *qam*, обозначавшем шамана [Банзаров 1891: 16–17; Pelliot 1963: 791–792] (ср. [Lubsangdorji 2010: 97]). Ошибка, сделанная Карпини, сама по себе имеет важное значение, так как лучше всего указывает на близкую фонетическую и семантическую связь слов, обозначавших богиню земли и шаманок, обеспечивавших общение с духами земли.

Едва ли можно сомневаться, что накануне нашествия на Русь предводитель монголов также обращался за помощью сверхъестественных сил, используя практики, подобные тем, какие описывали братья Симон и Иоанн. Если магические сеансы, устраиваемые предводителем монголов, были связаны с Этуген и духами земли, то вполне вероятно, что в них могли участвовать шаманки, в том числе та из них, которой Бату доверил руководить посольством в Рязань.

Остается открытым вопрос, мог ли монгольский предводитель отправить женщину в качестве посла в еще не завоеванный и не подчинившийся город. Хотя монгольские женщины, особенно жены или вдовы ханов, пользовались большим влиянием в решении важнейших политических и дипломатических вопросов, нет никаких подтверждений, чтобы хотя бы одна из них могла быть отправлена в качестве посланника во враждебную страну [Halperin 2009: 34]. Также нет достоверных фактов, подтверждающих, что в качестве посла могла бы выступать женщина-шаманка. Признавая реальным описанный в новгородской летописи случай, мы должны оценивать его как совершенно исключительный. Такой вывод сделал еще Н. И. Веселовский: «Если в стане Батыя находилась шаманка, то надо допустить, что в глазах его она обладала великой духовной силой и была способна вести дипломатические переговоры, на которые женщины обыкновенно не посылаются» [Веселовский 1916: 84].

Отправляя шаманку в Рязань, а затем во Владимир, Бату, очевидно, рассчитывал не только использовать ее дипломатические способности, но и употребить ее колдовские чары против русских князей и Русской земли (ср. [Кривошеев 2015: 129–132, 168]), применяя одну из магических практик, о которой сегодня невозможно судить более определенно. Поначалу шаманка действовала вполне успешно. Рязанские и владимиро-суздальский князья вступили в мирные переговоры с Бату и принесли ему свои дары, что, как мы видели, в глазах монголов свидетельствовало о готовности к подчинению. В какой-то момент, однако, ситуация вышла из-под контроля, и Бату должен был искать помощи других Чингизидов, чтобы общими усилиями подчинить Северо-Восточную Русь военным путем.

В приведенном выше рассказе «Тайной истории монголов» о ссоре Бату с Гуюком и Бури, произошедшей после русской кампании, есть одна очень примечательная деталь. Недовольные Бату как военачальником Гуюк и Бури в гневе называют его «старухой с бородой (бородатой бабой), прикидывающейся равной нам» и «старухой с колчаном (луком)», причем в оригинале используется множественное число: «старухи с бородой» (*saqaltan emeged*) и «старухи с луками» (*tede qortan emeged*) (§ 275). Следовательно, слова Гуюка и Бури были адресованы не одному только Бату, но и каким-то его сторонникам. Иногда считается, что недовольные Чингизиды высказывали свое презрение сразу всей армии, состоявшей под командованием Бату [Kim 2005: 319].

Для лучшего понимания этого фрагмента имеет значение его вторая часть: демарш монгольских принцев поддержал Аргасун, сын Эльджигидея, видного военачальника и администратора. В добавок к оскорблениям, произнесенным Гуюком и Бури, Аргасун с издевкой предложил привязать Бату и его последователям деревянные хвосты: «Давайте мы вправим им деревянные хвосты!» (пер. С. А. Козина) или «Let's attach a wooden tail to them!» (пер. Игоря де Рахевильца) [ТИМ: 194; SHM: 206]. Привязывание к себе хвоста животного было в обычае у монгольских шаманов, что неоднократно отмечено в «Тайной истории» и других источниках. Похоже, что именно этот обычай подразумевали враги Бату, насмехаясь над ним (см.: [SHM: 652–653]). Следовательно, издевательски уподобляя Бату женщине и предлагая привязать ему хвост, Гуюк, Бури и Аргасун могли иметь в виду чрезмерное увлечение Бату гаданиями и колдовством и неоправданное доверие некой реально существовавшей женщине-шаманке. Подчинить русских своими силами Бату не смог, за него это должны были сделать другие Чингизиды, которые затем жестоко высмеивали своего незадачливого командира, оказавшегося в их глазах еще и плохим прорицателем.

Поворот на север

Участие в штурме Рязани сразу всех монгольских принцев, задействованных в Западном походе, несомненно, было следствием коллективного решения, принятого новым курултаем, изменившим первоначальный план Западного похода. Эти изменения должны были произойти в ответ на неудачу мирных переговоров и боевое столкновение с дружинами русских князей, произошедшее на границе Рязанской земли. Новый план кампании, предполагавший нанесение удара по Рязани главными силами монголов, с учетом его возможного согласования с императором, мог быть окончательно принят и утвержден в конце осени или начале зимы 1237 г.

Ранее, согласно донесению брата Юлиана, монгольские войска, разделенные на несколько частей, были рассредоточены на широком пространстве вдоль восточных и юго-восточных границ Руси: «Теперь же, пребывая на границах Руси, мы изведали истинное положение дел, что все войско тартар, пришедшее в западные края, разделено на четыре части». Однако далее Юлиан называет только три из этих частей:

> Первая часть расположилась у реки Итиль [Волга] на границах Руси, с восточной стороны от Суздаля. Другая же часть — уже на юге, на границах Рязани, другого княжества рутенов, на которое они никогда не нападали. Третья же часть располагается напротив реки Дон, рядом с крепостью Оргенхусин, другим княжеством рутенов [Dörrie 1956: 173–174, 175; Göckenjan, Sweeney 1985: 104–105, 117–118; Хаутала 2015: 386] (ср. [Sinor 2002: 1163–1164, 1166]).

Ниже, характеризуя общий план Западной кампании монголов, Юлиан говорит, что первоначально монгольский император разделил свои силы на три армии, и только одну из них он намеревался использовать против Руси:

> …он направил свое войско в разные земли, а именно, за море, как мы полагаем, и что он там сделал, вы также уже слышали. Другое же многочисленное войско он послал к морю против всех куманов, которые перебежали в края Венгрии. Третье же войско осадило всю Русь, как я говорил [Dörrie 1956: 175; Göckenjan, Sweeney 1985: 105; Хаутала 2015: 387].

Первая из упомянутых здесь монгольских армий, отправленная «за море», — это, несомненно, кавказская армия Чормагана, начавшая военные действия в 1236 г. и в короткий срок подчинившая основные центры Великой Армении [May 1996: 49–50, 52; Хаутала 2015: 372 (примеч. 31), 395 (примеч. 32)]. Вторая армия, наиболее многочисленная, должна была наступать вдоль северных берегов Азовского и Черного морей против «всех куманов». И только третью армию первоначально предполагалось использовать против Руси. Причем эта третья армия должна была не атаковать, а осаждать «всю Русь». Видимо, поэтому она была разделена на части и рассредоточена вдоль границ Рязанской и Владимиро-Суздальской земель.

Не реализовав своих прозелитических целей, касавшихся заволжских мадьяров, Юлиан достиг впечатляющих результатов как военный разведчик, собирая сведения из всех доступных источников, среди которых были как русские информаторы — суздальские и рязанские — во главе с великим князем Юрием Всеволодовичем, так и половцы. Возвращаясь в Венгрию через земли куманов, Юлиан, несомненно, пользовался поддержкой местных князей. Как известно, часть из них накануне монгольского вторжения приняла христианство, принеся вассальную присягу венгерскому королю, и венгерские доминиканцы активно способствовали обращению куманов (см.: [Berend 2001: 213–215; Vásáry 2005: 137–138; Kovács 2005; Spinei 2009: 152–155; Хаутала 2014]). Не случайно поэтому, что с помощью куманов Юлиан смог перевести текст монгольского ультиматума, адресованного королю венгров [Dörrie 1956: 177; Göckenjan, Sweeney 1985: 107; Хаутала 2015: 388–389]. Очевидно, куманы не только консультировали папского эмиссара в языковых вопросах, но и снабдили новыми сведениями в отношении военного дела и завоевательных планов монголов.

Представленный Юлианом генеральный план дислокации монгольских сил, мобилизованных для участия в Западной кампании, показывает, что главным направлением предстоящего наступления, на котором были сосредоточе-

ны основные силы монголов, должны были стать половецкие степи Северного Приазовья и Причерноморья, а главными противниками — куманы (западные кипчаки) и союзное им Венгерское королевство. При этом две вспомогательные армии — кавказская и русская — должны были прикрывать соответственно южный и северный фланги главной наступающей армии.

Следовательно, на первоначальном этапе планирования Западной кампании не предполагалось активных наступательных действий против княжеств Северо-Восточной Руси, лежавших далеко в стороне от направления главного удара. Монгольские стратеги планировали ограничиться только блокированием основных коммуникаций, связывавших эти княжества со степью, как по Волге, так и по Дону. Очевидно, с этой целью несколько сравнительно небольших монгольских соединений летом 1237 г. выдвинулись к южным и восточным границам Рязанской и Владимиро-Суздальской земель.

Одно из них подошло к верховьям Воронежа и, взяв Нузлу, перекрыло проходившую здесь дорогу в степь. Второе, по словам Юлиана, расположилось «напротив реки Дон», рядом с крепостью *Orgenhusin* (вариант *Ovcheruch*). Оба эти названия, читающиеся в различных версиях отчета Юлиана, не находят соответствия в древнерусской топонимии, что существенно затрудняет локализацию крепости. Чаще всего ее отождествляют с городом Воронеж, расположенным при впадении в Дон одноименной реки [Dörrie 1956: 174; Göckenjan, Sweeney 1985: 116, note 29] (ср. [Sinor 2002: 1166]). Однако крепость и город Воронеж были основаны на этом месте только в конце XVI в. (см.: [Загоровский 1977]). Если учитывать, что упомянутая Юлианом крепость на Дону была русской, так как принадлежала «княжеству рутенов», то для отождествления с ней более всего подходит древнерусское городище XII–XIII вв., раскопанное на территории нынешнего города Семилуки Воронежской области (см.: [Пряхин, Цыбин 1991; 1996]). Это укрепленное поселение, располагавшееся на правом берегу Дона, примерно в 20 км от впадения в него Воронежа, является самым южным из известных сегодня древнерусских форпостов в Среднем Подонье. Отсюда монголы могли блокировать водные пути в степь, проходившие по Воронежу и Дону.

Как специально отмечает Юлиан, та часть монголов, которая расположилась у южной границы Рязанского княжества, никогда не нападала на него (*quam numquam expugnabant*). Очевидно, ко времени своего отъезда из Руси наш информатор, с одной стороны, знал, что задачей монголов было не атаковать, а блокировать рязанскую границу, а с другой — уже не исключал или даже предполагал возможность атаки.

Получив от владимиро-суздальского князя монгольский ультиматум, адресованный венгерскому королю, Юлиан поспешил отправиться в обратный путь, проходивший через Рязань. Здесь он встретил двух собратьев по ордену, которые параллельно с ним вели свою прозелитическую деятельность и тщетно пытались добраться до Великой Венгрии. Летом 1237 г. с миссионерскими целями они отправились к мордовским племенам и к самим монголам. В одном из мордовских племен остались два других доминиканца, пропавшие без вести после того, как эта часть мордвы подчинилась власти монголов. Уцелевшие братья сделали попытку разыскать пропавших и «в празднование ближайшего Михайлова дня» (6 сентября) отправили на поиски одного из своих

переводчиков, погибшего от рук «вторгшейся мордвы» (*quem etiam Morducani invadentes occiderunt*), т. е., надо думать, той части мордовских племен, которая, добровольно подчинившись монголам, уже вторглась в пределы Рязанской земли [Dörrie 1956: 180–181; Göckenjan, Sweeney 1985: 123, notes 54–55; Хаутала 2015: 389–390, 396–397, примеч. 47–51].

Итак, Юлиан прибыл в Рязань вскоре после 6 сентября 1237 г. По-видимому, уже находясь в Рязани, он узнал, что монголы изменили свой первоначальный план войны на Западе и не намерены немедленно атаковать куманов и Венгерское королевство, а вместо этого собираются напасть на Русь. Эти сведения Юлиан, по его словам, получил от множества беженцев, спасавшихся от монголов. Торопясь поскорее предоставить Римской церкви и венгерскому королю новую информацию о завоевателях, а также заботясь о собственной безопасности, Юлиан не стал тратить время на выяснение причин, вызвавших изменения в планах монголов.

Как можно видеть из приведенных свидетельств, мирные переговоры, которые Бату вел с рязанскими князьями, находясь в своем лагере на реке Воронеж, происходили в начале сентября 1237 г., а их провал сопровождался каким-то громким конфликтом, вызвавшим переполох во всей Рязанской земле, потоки беженцев и начало вторжения мордвы, новых союзников монголов, а также множества других «разбойников», которых повстречал Юлиан, проезжая через рязанские земли. В то же время главные монгольские силы отложили свое наступление на Рязань до прихода зимы и начала ледостава.

Появление Бату на периферийном участке расположения монгольских войск, удаленном от их основных сил, показывает, что именно этот участок он считал наиболее важным для себя, тогда как остальные монгольские принцы в это время пребывали в других местах, главным образом на юге, в низовьях Дона, готовясь к выступлению против куманов.

Поначалу на реке Воронеж вместе с Бату находилось, очевидно, только сравнительно небольшое монгольское подразделение, которое и решились атаковать рязанцы. После этой атаки Бату призвал на помощь всех Чингизидов, участвовавших в Западном походе. Стянутые в единый кулак, монгольские войска обрушились на Рязанскую землю всей своей сокрушительной мощью.

Рязань была разрушена, а ее жители подверглись тотальному истреблению. Этот печальный факт подтверждают как письменные, так и археологические свидетельства [Чернецов, Стрикалов 2003: 30]. Кроме того, результаты археологических раскопок демонстрируют тотальное разорение основной и наиболее населенной территории Рязанского княжества по руслам рек Пронь и Ока. Многие поселения в этих местах прекратили свое существование [Монгайт 1961: 359]. Систематическое разрушение городов и убийство жителей Рязанской земли наводит на мысль, что монголы целенаправленно мстили за какое-то преступление против себя. Это косвенно подтверждает сведения, содержащиеся в «Повести о разорении Рязани», в частности, об атаке рязанского отряда на ставку Бату на реке Воронеж, когда под угрозу была поставлена жизнь предводителя монголов.

В результате нашествия Рязанская земля потеряла почти всех своих князей и оказалась под непосредственным управлением завоевателей. В летописях упоминается лишь один уцелевший рязанский князь Олег Ингваревич, оказав-

шийся в монгольском плену и вернувшийся на родину только в 1252 г. [ПСРЛ (1): 450]. Но и после возвращения князя Олега часть территории Рязанского княжества по-прежнему оставалась под властью монголов: в результате среди владений рязанских и владимиро-суздальских (впоследствии московских) князей появились «татарские земли», включавшие города Тулу, Коломну, Лопасню и другие территории [Шебанин 2005: 463–464].

Выводы

Итак, наши наблюдения показывают, что заметный в новейшей литературе скепсис в отношении сведений, содержащихся в «Повести о разорении Рязани Батыем», обусловлен, с одной стороны, недоказанным мнением о позднем происхождении памятника, и, с другой, — отношением к нему только как к литературному произведению. Разумеется, мы далеки от того, чтобы воспринимать эту повесть в качестве полноценного исторического источника. Вместе с тем некоторые ее эпизоды, рассмотренные выше, обнаруживают соответствие историческим реалиям времен монгольских завоеваний и создания универсальной империи монголов.

Прежде всего мы имеем в виду отсутствующие в других источниках подробности мирных переговоров рязанских князей с Бату, полученные от него брачные предложения, а также дополнительные требования к князю Федору, затронувшие честь его жены, отказ от исполнения которых стоил жизни молодому князю. Все эти эпизоды, отражающие в своей основе политические реалии Монгольской империи первой половины XIII в., могли возникнуть в результате непосредственных контактов с завоевателями.

Беспрецедентное в своем роде намерение Бату отнять у русского князя его законную жену является наиболее характерной деталью, свидетельствующей в пользу достоверности передаваемого повестью рассказа о мирных переговорах рязанцев с монголами. Подобных требований ни сам Бату, ни другие правители Золотой Орды никогда не предъявляли ни русским князьям, ни, насколько нам известно, кому бы то ни было еще. Однако именно такое требование могло возникнуть в короткий период, непосредственно совпадающий с началом Великого Западного похода, когда в Монгольской империи была введена новая повинность, выразившаяся в принудительном наборе девушек и женщин для гарема и двора великого хана. Очень скоро приостановленная или отмененная, эта повинность произвела сильное впечатление на современников и нашла отражение как в китайских, так и монгольских источниках; кроме того, она была замечена участниками францисканской миссии, возглавляемой Плано Карпини.

Убийство по приказу Бату рязанского князя Федора, противоречащее монгольскому обычаю неприкосновенности посла, также находит объяснение в характерных для Монгольской империи середины XIII в. повышенных требованиях к соблюдению вассальной присяги, которую должен был принести Федор, чтобы исполнить навязанные монголами условия мирного соглашения.

Мирное подчинение монголам для рязанского (и, возможно, владимиро-суздальского) князя предполагало принесение вассальной присяги хану, а также мобилизацию десятой части боеспособного населения и лошадей в мон-

гольскую армию для участия в Западном походе, т. е. для войны против половцев и Венгерского королевства. Мирному подчинению рязанских князей Бату, по-видимому, придавал особое значение, предлагая им привилегированные условия интеграции в глобальную империю монголов в формате семейной конфедерации. Испытывая недоверие к монголам и почти ничего не зная об их дипломатических и семейно-брачных обычаях, рязанские князья, вступив в мирные переговоры с Бату, отвергли сделанные им брачные предложения, что неминуемо должно было вызвать конфликт.

Вместе с тем нельзя исключать, что требования, касавшиеся жены рязанского князя, и убийство последнего за отказ от их исполнения, могли быть целенаправленной провокацией, предпринятой Бату, чтобы создать повод для выгодного Джучидам изменения направления главного удара монголов. Односторонние действия Бату вызвали недовольство других монгольских принцев, участников Западного похода.

Описанная в повести атака рязанцев на ставку Бату, предпринятая в ответ на убийство князя Федора, не противоречит, а скорее, наоборот, согласуется с общей картиной монгольского завоевания Рязанской земли, подтверждаемой совокупностью данных всех известных ныне источников. В ответ на эту атаку предводители монголов должны были отказаться от первоначального плана мирного подчинения Северо-Восточной Руси и существенно скорректировать стратегию Западной кампании в целом. Гибель принца Кулкана, единственного из сыновей Чингисхана, кто участвовал в Западном походе, произошедшая в столкновении с рязанцами, поддержанными отрядом великого князя Юрия Всеволодовича, окончательно похоронила любую мирную альтернативу в отношениях с монголами и предопределила трагическую судьбу Владимиро-Суздальской земли (подробнее см.: [Maiorov 2021c]).

Источники

Галстян 1962 — Армянские источники о монголах: извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М.: Вост. лит., 1962.

ВР — Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благости 1253 / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 87–194.

Мункуев 1965 — *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая: Перевод и исследование. М.: Наука, 1965.

ПК — Иоанна де Плано Карпини, архиепископа Антиварийского, История Монгалов, именуемых нами Татарами / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 23–86.

Повесть — Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста, пер. и коммент. И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII в. / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. С. 140–155.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки рус. культуры, 1997; Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 4: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода.

М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки рус. культуры, 2004.

РД — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Ч. 2 / Пер. О. И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1952; Т. 2 / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960.

ТИМ — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongγol-un niγuča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник: Введ. в изучение памятника, пер., тексты, глоссарий. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1941.

Хаутала 2015 — *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индии» до «ненавистного плебса сатаны»: Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

Храпачевский 2009 — Китайская династийная история «Юань ши» // Золотая Орда в источниках. Т. 3: Китайские и монгольские источники / Пер. и коммент. Р. П. Храпачевского. М.: Центр по изучению воен. и общ. истории, 2009. С. 121–291.

Цулая 2005 — Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. и коммент. Г. В. Цулая. М.: Ин-т этнографии и антропологии РАН, 2005.

Abramowski 1976 — *Abramowski W.* Die chinesischen Annalen von Ögödei und Güyük: Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien. Bd. 10. 1976. P. 117–167.

Abramowski 1979 — *Abramowski W*. Die chinesischen Annalen des Möngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien. Bd. 13. 1979. P. 7–71.

Dörrie 1956 — *Dörrie H*. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O. P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Abt. 1. Philologisch-Historische Klasse. Nr. 6. 1956. P. 125–202.

Göckenjan, Sweeney 1985— Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250 / Hrsg. H. Göckenjan, J. Sweeney. Graz; etc.: Styria, 1985.

GP — *Georges Pachymeres*. Relationes Historicas, lib. III / Ed. et trad. A. Failler, V. Laurent. Paris: Les Belles Lettres, 1984.

GR — *Guglielmo di Rubruk*. Viaggio in Mongolia / Ed. e trad. P. Chiesa. Rome; Milan: Fondazione Lorenzo Valla; A. Mondadori, 2011.

HA — *Ḥāfiẓ Abrū*. Chronique des rois mongols en Iran / Ed. et trad. K. Bayani: 2 vols. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1936.

Humble n. d. — The biography of Yelü Chucai, *Yuanshi* 146.3455–65 / Trans. by G. Humble: [Unpublished translation]. URL: https://www.academia.edu/38936635/Yelu_Chucai_Yuanshi_Biography.

HT — Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi / Hrsg. A. Önnerfors. Berlin: De Gruyter, 1967.

Ḫwāndamīr — *Ḥabīb al-siyar Ḫwāndamīr*. The reign of the Mongol and Turk Genghis Khan, Amir Temur / Trans. by W. M. Thackston. Vol. 3. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1994.

IB — *Ibn Bībī*. Die Seltschukengeschichte / Hrsg. und Übers. von H. W. Duda. Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1959.

IBt — *Ibn Battuta*. The travels, 1325–1354: 5 vols. / Trans. by H. A. R. Gibb. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1962.

IC — *Ioannes Cantacuzenos*. Eximperatoris Historiarum, lib. I / Ed. L. Schopen. Bonn: Weber, 1828.

Juvaini — *Juvaini*. The history of the World-Conqueror / Trans. by J. A. Boyle: 2 vols. Manchester: Manchester Univ. Press, 1958.

Juzjani — *Jūzjānī*. Tabakāt-i Nāstrī: A general history of the Muhammadan dynasties of Asia / Trans. by H. G. Raverty: 2 vols. Calcutta: Asiatic Society, 1881.

KG — *Kiriakos Ganjaketsi*. History of the Armenians / Trans. by R. Bedrosian. New York: Sources of the Armenian Tradition, 1986.

Painter 1965 — The Tartar relation / Trans. and comment. by G. D. Painter // The Vinland map and the Tartar relation / Ed. by R. A. Skelton, T. E. Marston, G. D. Painter. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1965. P. 54–101.

PC — *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli / Ed., trad. e com. E. Menestò et al. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1989.

Pow, Liao 2018 — *Pow S., Liao J*. Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the *Yuan Shi*) // Journal of Chinese Military History. Vol. 7. 2018. P. 37–76.

RD — *Rashiduddin Fazlullah*. Jami'u't-tawarikh: Compendium of chronicles / Trans. by W. M. Thackston: 3 vols. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999.

SHM — The secret history of the Mongols: A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century / Trans. and comment. by I. de Rachewiltz: 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2004.

SQ — *Simon of Saint-Quentin*. History of the Tartars / Ed. and trans. by S. Pow. URL: http://www.simonofstquentin.org/website/framework.htm.

VMH (1) — Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. T. 1. Rome: Typis Vaticanis, 1859.

Литература

Андреев 2005 — *Андреев С. И.* Комплекс средневековых памятников в верховьях р. Воронеж // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 2005. С. 192–196.

Андреев 2008 — *Андреев С. И.* На юго-восточном рубеже Древней Руси: Этнополитическая история населения Окско-Донской равнины в XII–XV вв. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2008.

Базаров, Ням-Осор 2004 — *Базаров Б. В., Ням-Осор Н.* К истории государственной символики и церемониала монголов // Восток. 2004. № 1. С. 28–36.

Балданмаксарова 2003 — *Балданмаксарова Е. Е.* Раннемонгольская поэзия и ее связь с ритуалом // Altaica: Сб. ст. и материалов. [Вып.] 8. М.: ИВ РАН, 2003. С. 12–29.

Банзаров 1891 — *Банзаров Д.* Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891.

Березин 1855 — *Березин И. Н.* Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 86. [№ 2]. 1855. С. 79–114.

Веселовский 1916 — *Веселовский Н. И.* О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 64. 1916. С. 81–101.

Горский 1992 — *Горский А. А*. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1992.

Горский 1995 — *Горский А. А*. Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 34–46.

Горский 2006 — *Горский А. А*. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. [Вып.] 6. 2006. С. 138–154.

Горский 2014 — *Горский А. А*. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Индрик, 2014. С. 179–190.

Горский 2018 — *Горский А. А*. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // Исторический вестник. Т. 25. 2018. С. 30–39.

Горский 2020 — *Горский А. А*. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.

Гумилев 1989 — *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.

Даркевич, Борисевич 1995 — *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995.

Домбровский 2015 — *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.

Жилина 2020 — *Жилина Н. В*. Древнерусские клады IX–XIII вв.: Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2020.

Загоровский 1977 — *Загоровский В. П*. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1977.

Измайлов 2009 — *Измайлов И.* Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. / Отв. ред. М. Усманов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 133–161.

Клосс 2001 — *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М.: Языки рус. культуры, 2001.

Кляшторный, Султанов 2004 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей: древность и средневековье. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004.

Кондаков 1896 — *Кондаков Н. П.* Русские клады. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1896.

Крадин, Скрынникова 2006 — *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006.

Кривошеев 2015 — *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Академия исследования культуры, 2015.

Кычанов 2002 — *Кычанов Е. И.* О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник. 2001. М.: Вост. лит., 2002. С. 75–83.

Литвина, Успенский 2020 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020.

Лихачев 1963 — *Лихачев Д. С.* К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 48–51.

Лобакова 1993 — *Лобакова И. А.* Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1993. С. 36–52.

Лобакова 2005 — *Лобакова И. А.* Заметки по текстологии «Повестей о Николе Заразском» (Отклик на концепцию Б. М. Клосса) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 761–784.

Лобакова 2006 — *Лобакова И. А.* К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем» со Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамыша // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57 / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 519–542.

Мазуров 2020 — *Мазуров А. Б.* Существовала ли в XIII–XV вв. чудотворная икона Николы Корсунского (Зарайского)? // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 140–158.

Миргалеев 2016 — *Миргалеев И.* Джучи — первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.

Монгайт 1961 — *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961.

Попов 2019 — *Попов П. А.* Первые летописные упоминания о Воронеже в контексте комплексного изучения древней топонимики // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 4 (21). С. 88–99.

Поппэ 1985 — *Поппэ А.* К начальной истории культа св. Николы Заразского // Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by D. C. Waugh. Columbus: Slavica, 1985. P. 289–304.

Прохоров 1974 — *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1974. С. 77–98.

Пряхин, Цыбин 1991 — *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон (Итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока / Отв. ред. А. Г. Дьяченко. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. С. 93–106.

Пряхин, Цыбин 1996 — *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Древнерусское Семилукское городище (Материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. С. 29–62.

Рудаков 2014 — *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников. М.: Квадрига, 2014.

Рыкин 2003 — *Рыкин П. О.* Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст // Mongolica-VI / Отв. ред. С. Г. Кляшторный; Сост. И. В. Кульганек. СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. С. 28–38.

Трепавлов 2016a — *Трепавлов В.* Образование Улуса Джучи // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 137–147.

Трепавлов 2016b — *Трепавлов В.* Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 148–157.

Хаутала 2014 — *Хаутала Р.* Исторический контекст основания католической епархии Кумании 1227 года // Золотоордынская цивилизация. № 7. 2014. С. 111–139.

Хаутала 2016 — *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. Т. 4. № 2. 2016. P. 272–313.

Хорошкевич, Плигузов 1989 — *Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И.* Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. С. 5–27.

Хрусталев 2015 — *Хрусталев Д. Г.* Русь и монгольское нашествие. СПб.: Евразия, 2015.

Черкас 2016 — *Черкас Б.* Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 157–179.

Чернецов, Стрикалов 2003 — *Чернецов А. В., Стрикалов Я. Ю.* Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 18–33.

Шебанин 2005 — *Шебанин Г. А.* Историческая география западной части Рязанского княжества XII — начала XVI в. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники ист. мысли, 2005. С. 458–479.

Экземплярский 1889–1891 — *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, 1238–1505 гг.: В 2 т. СПб.: Изд. графа И. И. Толстого, 1889–1891.

Юрченко и др. 2002 — Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Пер. и коммент. А. Г. Юрченко и др. СПб.: Евразия, 2002.

Aigle 2015 — *Aigle D*. The Mongol Empire between myth and reality: Studies in anthropological history. Leiden; Boston: Brill, 2015.

Allsen 1983a — *Allsen T. T*. Prelude to the Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 3. 1983. P. 5–24.

Allsen 1983b — *Allsen T. T*. The Yüan dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century // China among equals: The Middle Kingdom and its neighbors, 10th–14th centuries / Ed. by M. Rossabi. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1983. P. 243–280.

Allsen 1987 — *Allsen T. T*. Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic lands, 1251–1259. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1987.

Allsen 1997 — *Allsen T. T*. Commodity and exchange in the Mongol Empire: A cultural history of Islamic textiles. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

Atwood 2007 — *Atwood Ch. P*. The date of the “Secret History of the Mongols” reconsidered // Journal of Song-Yuan Studies. Vol. 37. 2007. P. 1–48.

Atwood 2015 — *Atwood Ch. P*. Alexander, Ja’a Gambo and the origin of the Jamugha figure in the *Secret History of the Mongols* // Neilu Ouya lishi wenhua guoji xueshu yantaohui lunwenji: Proceedings of the International Conference on History and Culture of Central Eurasia / Ed. by Teligeng [= Terigün], Li Jinxiu. Hohhot: Nei Menggu renmin chubanshe, 2015. P. 161–176.

Ayalon 1971 — *Ayalon D*. The Great Yasa of Chingiz Khan: A reexamination. Part A // Studia Islamica. No. 33. 1971. P. 97–140.

Barkmann 1991 — *Barkmann U. B*. Einige Bemerkungen zum Problem des Eides in der “Geheime Geschichte der Mongolen” // Central Asiatic Journal. Vol. 35. No. 3/4. 1991. S. 200–208.

Baum 2012 — *Baum W*. Die Mongolen und das Christentum // Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Ed. by J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. S. 13–52.

Baumgarten 1934 — *Baumgarten N. de*. Généalogies des branches régnantes des Rurikides: du XIIIe au XVIe siècle. Roma: Pontificium institutum orientalium studiorum, 1934.

Bedrosian 1979 — *Bedrosian R*. The Turco-Mongol invasions and the lords of Armenia in the 13–14th centuries: PhD Dissertation / Columbia University. New York, 1979.

Berend 2001 — *Berend N*. At the gate of Christendom: Jews, Muslims and ‘pagans’ in medieval Hungary, c. 1000 — c. 1300. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.

Birge 1995 — *Birge B*. Levirate marriage and the revival of widow chastity in Yüan China // Asia Major. Vol. 8. No. 2. 1995. P. 107–146.

Boyle 1963 — *Boyle J. A*. Kirakos of Ganjak on the Mongols // Central Asiatic Journal. Vol. 8. No. 3. 1963. P. 199–214.

Boyle 1968 — *Boyle J. A*. Dynastic and political history of the Il-Khans // The Cambridge history of Iran. Vol. 5: The Saljuq and Mongol periods / Ed. by J. A. Boyle. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968. P. 303–420.

Boyle 1974 — *Boyle J. A*. The Alexander legend in Central Asia // Folklore. Vol. 85. No. 4. 1974. P. 217–228.

Boyle 1979 — *Boyle J. A*. Alexander and the Mongols // Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. 111. No. 2. 1979. P. 124–136.

Broadbridge 2018 — *Broadbridge A. F.* Women and the making of the Mongol empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.

Bryer 1981 — *Bryer A. M.* Greek historians on the Turks: The case of the first Byzantine-Ottoman marriage // The writing of history in the Middle Ages: Essays presented to Richard William Southern / Ed. by R. H. C. Davis, J. M. Wallace-Hadrill. Oxford: Oxford Univ. Press, 1981. P. 471–493.

Cahen 2001 — *Cahen C*. The formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rūm. Eleventh to fourteenth century. Harlow: Longman, 2001.

Cleaves 1959 — *Cleaves F. W*. An early Mongolian version of the Alexander Romance // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 22. No. 3–4. 1959. P. 1–99.

Conrad 2012 — *Conrad H*. Beobachtungen und Notizen zur Situation der armenischen Fürsten unter der Mongolenherrschaft // Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Ed. by J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. P. 83–106.

Daffinà 1989 — *Daffinà* P. Note // Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Ed., trad. e com. E. Menestò et al. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1989. P. 401–496.

Dashdondog 2011 — *Dashdondog B*. The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden; Boston: Brill, 2011.

Dashdondog 2012 — *Dashdondog B*. The Mongol conquerors in Armenia // Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Ed. by J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. P. 53–82.

De Nicola 2017 — *De Nicola B*. Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2017.

De Rachewiltz 1960 — *De Rachewiltz I*. Sino-Mongol culture contacts in the XIII century: A study of Yeh-lü Ch'u-ts'ai: PhD Dissertation / The Australian National University. Canberra, 1960.

De Rachewiltz 1971 — *De Rachewiltz I.* Papal envoys to the Great Khan. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1971.

De Rachewiltz 1993 — *De Rachewiltz I*. Yeh-lü Ch'u-ts'ai (1189–1243), Yeh-lü Chu (1221–1285) // In the service of the Khan: Eminent personalities of the early Mongol-Yüan period / Ed. by I. de Rachewiltz et al. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. P. 136–175.

Der Nersessian 1959 — *Der Nersessian S*. The Armenian Chronicle of the Constable Smbad or of the "Royal Historian" // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 13. 1959. P. 141–168.

Dunnell 2010 — *Dunnell R*. Chinggis Khan: World conqueror. Boston: Longman, 2010.

Fennell 1983 — *Fennell J*. The crisis of medieval Russia, 1200–1304. London; New York: Longman, 1983.

Gilli-Elewy 2012 — *Gilli-Elewy H*. On women, power, and politics during the last phase of the Ilkhanate // Arabica. T. 59. Fasc. 6. 2012. P. 709–723.

Göckenjan 1991 — *Göckenjan H*. Der Westfeldzug (1236–1242) aus mongolischer Sicht // Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen / Hrsg. U. Schmilewski. Würzburg: Bergstadtverlag Wilhelm Gottlieb Korn, 1991. S. 35–76.

Guéret-Laferté 1994 — *Guéret-Laferté M*. Sur les routes de l'Empire Mongol: ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. Paris: Honoré Champion, 1994.

Guzman 1996 — *Guzman G. G*. European clerical envoys to the Mongols: Reports of Western merchants in Eastern Europe and Central Asia, 1231–1255 // Journal of Medieval History. Vol. 22. No. 1. 1996. P. 53–67.

Guzman 2006 — *Guzman G. G*. The Vinland map controversy and the discovery of a second version of the *Tartar Relation*: The authenticity of the 1339 text // Terrae Incognitae. Vol. 38. No. 1. 2006. P. 19–25.

Guzman 2010 — *Guzman G. G*. European captives and craftsmen among the Mongols, 1231–1255 // The Historian. Vol. 72. No. 1. 2010. P. 122–150.

Halperin 2009 — *Halperin Ch*. The Tatar Yoke: The image of the Mongols in medieval Russia. 2nd ed. Bloomington: Indiana Univ., 2009.

Haw 2013 — *Haw S. G*. The Mongol Empire — the first "gunpowder empire"? // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. Vol. 23. No. 3. 2013. P. 441–469.

Holmgren 1986 — *Holmgren J.* Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate // Journal of Asian History. Vol. 20. 1986. P. 127–192.

Hope 2016 — *Hope M*. Power, politics, and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.

Jackson 2005a — *Jackson P*. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow: Pearson Longman, 2005.

Jackson 2005b — *Jackson P*. The Mongols and the faith of the conquered // Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world / Ed. by R. Amitai, M. Biran. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 245–290.

Jackson 2012 — *Jackson P*. Franciscans as papal and royal envoys to the Tartars, 1245–1255 // The Cambridge companion to Francis of Assisi / Ed. by M. J. P. Robson. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. P. 224–239.

Jackson 2016 — *Jackson P*. Testimony of the Russian Archbishop Peter concerning the Mongols (1244/5): Precious intelligence or timely disinformation? // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. Vol. 26. No. 1–2. 2016. P. 65–77.

Jackson 2017 — *Jackson P*. The Mongols and the Islamic world: from conquest to conversion. New Haven; London: Yale Univ. Press, 2017.

Kamola 2015 — *Kamola S*. History and legend in the Jāmi' al-tawārikh: Abraham, Alexander, and Oghuz Khan // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. Vol. 25. No. 4. 2015. P. 555–577.

Kim 2005 — *Kim H*. A reappraisal of Güyüg Khan // Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world / Ed. by R. Amitai, M. Biran. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 309–338.

Kneepkens 1979 — *Kneepkens C. H*. Randbemerkungen zum Text der *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi // Mittellateinisches Jahrbuch. Bd. 14. 1979. S. 273–277.

Korobeinikov 2008 — *Korobeinikov D*. A broken mirror: The Kipchak world in the thirteenth century // The other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans / Ed. by F. Curta. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 379–412.

Korobeinikov 2014 — *Korobeinikov D*. Byzantium and the Turks in the thirteenth century. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.

Kovács 2005 — *Kovács Sz*. Bortz, a Cuman chief in the 13th century // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica. Vol. 58. No. 3. 2005. P. 255–266.

Lenhoff 1997 — *Lenhoff G*. Early Russian hagiography: The lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997.

Lippard 1984 — *Lippard B. G*. The Mongols and Byzantium, 1243–1341: PhD Dissertation / Indiana University. Bloomington, 1984.

Lubsangdorji 2010 — *Lubsangdorji J*. The *Secret History of the Mongols* in the mirror of metaphors (3), Venus of the Khorchin Mongols and Etügen // Mongolo-Tibetica Pragensia. Vol. 3. No. 1. 2010. P. 61–104.

Maiorov 2014 — *Maiorov A. V*. The daughter of a Byzantine Emperor — the wife of a Galician-Volhynian Prince // Byzantinoslavica. Vol. 72. No. 1–2. 2014. P. 188–233.

Maiorov 2015a — *Maiorov A. V*. The alliance between Byzantium and Rus' before the conquest of Constantinople by the crusaders in 1204 // Russian History. Vol. 42. No. 3. 2015. P. 272–303.

Maiorov 2015b — *Maiorov A. V*. Ecumenical processes in the mid-13th century and the first union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 126. 2015. P. 11–34.

Maiorov 2018 — *Maiorov A. V*. Church-union negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237 // Orientalia Christiana Periodica. Vol. 84. No. 2. 2018. P. 385–405.

Maiorov 2020 — *Maiorov A. V*. The Rus Archbishop Peter at the first council of Lyon // Journal of Ecclesiastical History. Vol. 71. No. 1. 2020. P. 20–39.

Maiorov 2021a — *Maiorov A. V*. Diplomacy, war, and a witch: Peace negotiations before the Mongol invasion of Rus' // The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe / Ed. by A. V. Maiorov, R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 36–81.

Maiorov 2021b — *Maiorov A. V*. The first Mongol invasion of Europe: Goals and results // Journal of the Royal Asiatic Society. (Forthcoming).

Maiorov 2021c — *Maiorov A. V*. The Mongol conquest of Rus' // The Mongol world / Ed. by T. May, M. Hope. London; New York: Routledge, 2021. (Forthcoming).

Maiorov (forthcoming) — *Maiorov A. V*. "They intend to come and attack Rome…": The real and sacred space of the Mongol conquests. Forthcoming.

Martin 1950 — *Martin H. D*. The rise of Chingis Khan and his conquest of North China. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1950.

May 1996 — *May T*. Chormaqan Noyan: The first Mongol military governor in the Middle East: Master's Thesis / Indiana Univ. Bloomington, 1996.

May 2018 — *May T*. The Mongol empire. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2018.

Melville 1999 — *Melville Ch*. The fall of Amir Chupan and the decline of the Il-Khanate, 1327–1337: A decade of discord in Mongol Iran. Bloomington: Indiana Univ., Research Institute for Inner Asian Studies, 1999.

Miyawaki-Okada 2007 — *Miyawaki-Okada J.* The role of women in the imperial succession of the nomadic empire // The role of women in the Altaic world: Permanent International Altaistic Conference, 44th Meeting, Walberberg, 26–31 August 2001 / Ed. by V. Veit. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. P. 143–149.

Morgan 1986 — *Morgan D. O*. The "Great Yasa" of Chingiz Khan and Mongol law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 49. No. 1. 1986. P. 163–176.

Morgan 2005 — *Morgan D. O*. The "Great Yasa of Chinggis Khan" Revisited // Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world / Ed. by R. Amitai, M. Biran. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 291–308.

Mostaert, Cleaves 1952 — *Mostaert A., Cleaves Fr. W*. Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. No. 3–4. 1952. P. 419–506.

Özcan 2017 — *Özcan A. T.* Mogol-Rus Iliskileri (1223–1341). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017.

Pelliot 1963 — *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Vol. 2. Paris: Imprimerie Nationale, 1963.

Pelliot 1973 — *Pelliot P*. Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient. Paris: Imprimerie nationale, 1973.

Plezia 1970 — *Plezia M*. L'apport de la Pologne à l'exploration de l'Asie Centrale au milieu du XIIIe s. // Acta Poloniae Historica. No. 22. 1970. P. 18–35.

Pochekaev 2016 — *Pochekaev R*. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid states of the 13th–14th centuries: Legal code or ideal "law and order"? // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. Т. 4. № 4. 2016. P. 724–733.

Poppe 1957 — *Poppe N*. Eine mongolische Fassung der Alexandersage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 107. 1957. S. 105–129.

Porsin 2020 — *Porsin A*. Anti-Jochid motives in "The Secret History of the Mongols" // Medieval History of Central Eurasia. 2020. No. 1. P. 95–106.

Pow 2019 — *Pow S*. Hungary's castle defense strategy in the aftermath of the Mongol invasion (1241–1242) // Fortifications, defence systems, structures and features in the past / Ed. by T. Tkalčec, T. Sekelj Ivančan, S. Krznar, J. Belaj. Zagreb: Institute of archaeology, 2019. P. 239–250.

Pow, Laszlovszky 2019 — *Pow S., Laszlovszky J*. Finding Batu's hill at Muhi: Liminality between rebellious territory and submissive territory, earth and heaven for a Mongol prince on the eve of battle // Hungarian Historical Review. Vol. 8. No. 2. 2019. P. 261–289.

Ratchnevsky 1987 — *Ratchnevsky P*. Die Rechtsverhältnisse bei den Mongolen im 12.–13. Jahrhundert // Central Asiatic Journal. Vol. 31. No. 1/2. 1987. P. 64–110.

Ratchnevsky 1993 — *Ratchnevsky P*. Genghis Khan: His life and legacy. London: Wiley-Blackwell 1993.

Ruotsala 2001 — *Ruotsala A*. Europeans and Mongols in the middle of the thirteenth century: Encountering the Other. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2001.

Sălăgean 2016 — *Sălăgean T*. Transylvania in the second half of the thirteenth century: The rise of the congregational system. Leiden; Boston: Brill, 2016.

Sarnowsky 1994 — *Sarnowsky J*. The Teutonic Order confronts Mongols and Turks // The military orders: Fighting for the faith and caring for the sick / Ed. by M. Barber. Aldershot: Ashgate, 1994. P. 253–262.

Sinor 2002 — *Sinor D.* Le rapport du Dominicain Julien écrit en 1238 sur le péril mongol // Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Vol. 146. No. 4. 2002. P. 1153–1168.

Spinei 2009 — *Spinei V*. The Romanians and the Turkic nomads North of the Danube delta from the tenth to the mid-thirteenth century. Leiden; Boston: Brill, 2009.

Subtelny 2011 — *Subtelny M. E*. The binding pledge (*möchälgä*): A Chinggisid practice and its survival in Safavid Iran // New perspectives on Safavid Iran: Empire and society / Ed. by C. P. Mitchell. London; New York: Routledge, 2011. P. 9–29.

Székely 1988 — *Székely Gy*. Egy elfeledett rettegés: a második tatárjárás a magyar történeti hagyományokban és az egyetemes összefüggésekben // Századok. T. 122. 1988. P. 52–88.

Tanase 2013 — *Tanase T*. "Jusqu'aux limites du monde": la papauté et la mission franciscaine, de l'Asie de Marco Polo à l'Amérique de Christophe Colomb. Rome: École française de Rome, 2013.

Togan 1998 — *Togan I*. Flexibility and limitation in Steppe formation: The Kerait Khanate and Chinggis Khan. Leiden: Brill, 1998.

Uzelac 2020 — *Uzelac A*. Saint Louis and the Jochids // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. Т. 8. № 4. 2020. P. 662–674.

Vásáry 2005 — *Vásáry I*. Cumans and Tatars: Oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.

Vashalomidze 2012 — *Vashalomidze S*. Mongol invasions in the Caucasus and the Georgian source *Kartiis cxovreba* // Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Ed. by J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. P. 309–320.

Weatherford 2010 — *Weatherford J*. The secret history of the Mongol queens: how the daughters of Genghis Khan rescued his empire. New York: Crown, 2010.

Wing 2016 — *Wing P*. The Jalayirids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2016.

Yourtchenko 1998 — *Yourtchenko A*. Ein asiatisches Bilderrätsel für die westliche Geschichtsschreibung. Ein unbekanntes Werk aus dem 13. Jahrhundert (der "Tschingis Khan Roman") // Zentralasiatische Studien. Bd. 28. 1998. P. 45–85.

Zhao 2008 — *Zhao G. Q*. Marriage as political strategy and cultural expression: Mongolian royal marriages from world empire to Yuan Dynasty. New York: Peter Lang, 2008.

Zimonyi 2014 — *Zimonyi I*. The Mongol campaigns against Eastern Europe // Zimonyi I. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected studies. Bucharest: Brăila, 2014. P. 325–352.

References

Aigle, D. (2015). *The Mongol Empire between myth and reality: Studies in anthropological history*. Brill.

Allsen, T. T. (1983a). Prelude to the Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi, 3*, 5–24.

Allsen, T. T. (1983b). The Yüan dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century. In M. Rossabi (Ed.). *China among equals: The Middle Kingdom and its neighbors, 10th–14th centuries* (pp. 243–280). Univ. of California Press.

Allsen, T. T. (1987). *Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic lands, 1251–1259*. Univ. of California Press.

Allsen, T. T. (1997). *Commodity and exchange in the Mongol Empire: A cultural history of Islamic textiles*. Cambridge Univ. Press.

Andreev, S. I. (2005). Kompleks srednevekovykh pamiatnikov v verkhov'iakh r. Voronezh [The complex of medieval sites in the upper reaches of the Voronezh River]. In A. T. Siniuk (Ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy* (pp. 192–196). Izdatel'stvo Voronezhskogo pedagogicheskogo universitera. (In Russian).

Andreev, S. I. (2008). *Na iugo-vostochnom rubezhe Drevnei Rusi: Etnopoliticheskaia istoriia naseleniia Oksko-Donskoi ravniny v XII–XV vv.* [On the Southeastern border of Ancient Russia: Ethnopolitical history of the population of the Oka-Don Plain in the 12th–15th centuries]. Izdatel'stvo Tambovskogo universiteta. (In Russian).

Atwood, Ch. P. (2007). The date of the "Secret History of the Mongols" reconsidered. *Journal of Song-Yuan Studies, 37*, 1–48.

Atwood, Ch. P. (2015). Alexander, Ja'a Gambo and the origin of the Jamugha figure in the *Secret History of the Mongols*. In Teligeng [= Terigün], & Li Jinxiu (Eds.). *Neilu Ouya lishi wenhua guoji xueshu yantaohui lunwenji: Proceedings of the International Conference on History and Culture of Central Eurasia* (pp. 161–176). Nei Menggu renmin chubanshe.

Ayalon, D. (1971). The Great Yasa of Chingiz Khan: A reexamination. Part A. *Studia Islamica, 33*, 97–140.

Baldanmaksarova, E. E. (2003). Rannemongol'skaia poeziia i ee sviaz' s ritualom [Early Mongolian poetry and its connection with ritual]. In *Altaica: Sbornik statei i materialov* (Vol. 8, pp. 12–29). IV RAN. (In Russian).

Banzarov, D. (1891). *Chernaia vera ili shamanstvo u mongolov i drugie stat'i* [Black faith or shamanism among the Mongols, and other articles]. Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian).

Barkmann, U. B. (1991). Einige Bemerkungen zum Problem des Eides in der "Geheime Geschichte der Mongolen". *Central Asiatic Journal, 35*(3/4), 200–208. (In German).

Baum, W. (2012). Die Mongolen und das Christentum. In J. Tubach, S. G. Vashalomidze, & M. Zimmer (Eds.). *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* (pp. 13–52). Reichert Verlag. (In German).

Baumgarten, N. de. (1934). *Généalogies des branches régnantes des Rurikides: du XIIIe au XVIe siècle*. Pontificium institutum orientalium studiorum. (In French).

Bazarov, B. V., Niam-Osor, N. (2004). K istorii gosudarstvennoi simvoliki i tseremoniala mongolov [To the history of state symbols and ceremonial of the Mongols]. *Vostok, 2004*(1), 28–36. (In Russian).

Bedrosian, R. (1979). *The Turco-Mongol invasions and the lords of Armenia in the 13–14th centuries* (PhD Dissertation, Columbia University).

Berend, N. (2001). *At the gate of Christendom: Jews, Muslims and 'pagans' in medieval Hungary, c. 1000 — c. 1300*. Cambridge Univ. Press.

Berezin, I. N. (1855). Nashestvie Batyia na Rossiiu [Batu's Invasion of Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia, 86*(2), 79–114. (In Russian).

Birge, B. (1995). Levirate marriage and the revival of widow chastity in Yüan China. *Asia Major, 8*(2), 107–146.

Boyle, J. A. (1963). Kirakos of Ganjak on the Mongols. *Central Asiatic Journal, 8*(3), 199–214.

Boyle, J. A. (1968). Dynastic and political history of the Il-Khans. In J. A. Boyle (Ed.). *The Cambridge history of Iran*, (Vol. 5) *The Saljuq and Mongol Periods* (pp. 303–420). Cambridge Univ. Press.

Boyle, J. A. (1974). The Alexander legend in Central Asia. *Folklore, 85*(4), 217–228.

Boyle, J. A. (1979). Alexander and the Mongols. *Journal of the Royal Asiatic Society, 111*(2), 124–136.

Broadbridge, A. F. (2018). *Women and the making of the Mongol Empire*. Cambridge Univ. Press.

Bryer, A. M. (1981). Greek historians on the Turks: The case of the first Byzantine-Ottoman marriage. In R. H. C. Davis, & J. M. Wallace-Hadrill (Eds.). *The writing of history in the Middle Ages: Essays presented to Richard William Southern* (pp. 471–493). Oxford Univ. Press.

Cahen, C. (2001). *The formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rūm. Eleventh to fourteenth century*. Longman.

Cherkas, B. (2016). Territorial'noe ustroistvo Ulusa Dzhuchi (territoriia zapadnee Dona)' [Territorial structure of Ulus Jochi (territory West of the Don)]. In I. Mirgaleev, & R. Hautala (Eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* (pp. 157–179). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).

Chernetsov, A. V., & Strikalov, Ia. Iu. (2003). Staraia Riazan' i mongolo-tatarskoe nashestvie v svete novykh issledovanii [Old Ryazan and the Mongol-Tatar invasion in the light of new research]. In N. A. Makarov, & A. V. Chernetsov (Eds.). *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* (pp. 18–33). Nauka. (In Russian).

Cleaves, F. W. (1959). An early Mongolian version of the Alexander Romance. *Harvard Journal of Asiatic Studies, 22*(3–4), 1–99.

Conrad, H. (2012). Beobachtungen und Notizen zur Situation der armenischen Fürsten unter der Mongolenherrschaft. In J. Tubach, S. G. Vashalomidze, & M. Zimmer (Eds.). *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* (pp. 83–106). Reichert Verlag. (In German).

Daffinà, P. (1989). Note. In E. Menestò et al. (Eds.). *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli* (pp. 401–496). Centro italiano di studi sull'alto medioevo. (In Italian).

Darkevich, V. P., & Borisevich, G. V. (1995). *Drevniaia stolitsa Riazanskoi zemli* [The ancient capital of the Ryazan land]. Krug''. (In Russian).

Dashdondog, B. (2011). *The Mongols and the Armenians (1220–1335)*. Brill.

Dashdondog, B. (2012). The Mongol conquerors in Armenia. J. Tubach, S. G. Vashalomidze, & M. Zimmer (Eds.). *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* (pp. 53–82). Reichert Verlag.

De Nicola, B. (2017). *Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335*. Edinburgh Univ. Press.

De Rachewiltz, I. (1960). *Sino-Mongol culture contacts in the XIII century: A study of Yeh-lü Ch'u-ts'ai* (PhD Dissertation, The Australian National University).

De Rachewiltz, I. (1971). *Papal envoys to the Great Khan*. Stanford Univ. Press.

De Rachewiltz, I. (1993). Yeh-lü Ch'u-ts'ai (1189–1243), Yeh-lü Chu (1221–1285). In I. de Rachewiltz et al. (Eds.). *In the service of the Khan: Eminent personalities of the early Mongol-Yüan period* (pp. 136–175). Harrassowitz,

Der Nersessian, S. (1959). The Armenian Chronicle of the Constable Smbad or of the "Royal Historian". *Dumbarton Oaks Papers, 13*, 141–168.

Dombrovskii, D. (2015). *Genealogiia Mstislavichei: pervye pokoleniia (do nachala XIV v.)* [Genealogy of the Mstislavichi: First generations (before the beginning of the XIV century)]. Dmitrii Bulanin. (In Russian).

Dunnell, R. (2010). *Chinggis Khan: World conqueror*. Longman.

Ekzempliarskii, A. V. (1889–1891). *Velikie i udel'nye kniaz'ia severnoi Rusi v tatarskii period, 1238–1505 gg.* [Great and Appanage Princes of Northern Rus' in the Tatar period, 1238–1505] (2 Vols.). Izdanie grafa I. I. Tolstogo. (In Russian).

Fennell, J. (1983). *The crisis of medieval Russia, 1200–1304*. Longman.

Gilli-Elewy, H. (2012). On women, power, and politics during the last phase of the Ilkhanate. *Arabica, 59*(6), 709–723.

Göckenjan, H. (1991). Der Westfeldzug (1236–1242) aus mongolischer Sicht. In U. Schmilewski (Ed.). *Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen* (pp. 35–76). Bergstadtverlag Wilhelm Gottlieb Korn. (In German).

Gorskii, A. A. (1992). *"Slovo o polku Igoreve" i "Zadonshchina": Istochnikovedcheskie i istoriko-kul'turnye problemy* [The "Tale of Igor's Campaign" and "Zadonshchina": Source study and historical-cultural problems]. Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).

Gorskii, A. A. (1995). Moskva, Tver' i Orda v 1300–1339 godakh [Moscow, Tver and the Horde in 1300–1339]. *Voprosy istorii, 1995*(4), 34–46. (In Russian).

Gorskii, A. A. (2006). Gibel' Mikhaila Chernigovskogo v kontekste pervykh kontaktov russkikh kniazei s Ordoi [The death of Mikhail Chernigovsky in the context of first contacts of the Rus' princes with the Horde]. *Srednevekovaia Rus', 6*, 138–154. (In Russian).

Gorskii, A. A. (2014). Ob obstoiatel'stvakh gibeli velikogo kniazia Iaroslava Vsevolodovicha [On the circumstances of the death of Grand Prince Yaroslav Vsevolodich]. In B. N. Floria (Ed.). *"Po liubvi v' pravdu, bezo vsiakie khitrosti": Druz'ia i kollegi k 80-letiiu V. A. Kuchkina* (pp. 179–190). Indrik. (In Russian).

Gorskii, A. A. (2018). Ustanovlenie vzaimootnoshenii Mongol'skoi imperii i Rusi: kazus Iaroslava Vsevolodicha [Establishment of relations between tne Mongol Empire and the Ancient Rus': A special case of Yaroslav II Vsevolodich]. *Istoricheskii vestnik, 25*, 30–39. (In Russian).

Gorskii, A. A. (2020). Nasledovanie velikogo kniazheniia v seredine XIII v. Batyi i machekha Aleksandra Nevskogo [Inheritance of a great reign in the mid-13th century, Batu and stepmother of Alexander Nevsky]. *Rossiiskaia istoriia, 2020*(4), 31–37. (In Russian).

Guéret-Laferté, M. (1994). *Sur les routes de l'Empire Mongol: ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles*. Honoré Champion. (In French).

Gumilev, L. N. (1989). *Drevniaia Rus' i Velikaia step'* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Mysl'. (In Russian).

Guzman, G. G. (1996). European clerical envoys to the Mongols: Reports of Western merchants in Eastern Europe and Central Asia, 1231–1255. *Journal of Medieval History, 22*(1), 53–67.

Guzman, G. G. (2006). The Vinland map controversy and the discovery of a second version of the *Tartar Relation*: The authenticity of the 1339 text. *Terrae Incognitae, 38*(1), 19–25.

Guzman, G. G. (2010). European captives and craftsmen among the Mongols, 1231–1255. *The Historian, 72*(1), 122–150.

Halperin, Ch. (2009). *The Tatar Yoke: The image of the Mongols in medieval Russia* (2nd ed.). Indiana Univ.

Hautala, R. (2014). Istoricheskii kontekst osnovaniia katolicheskoi eparkhii Kumanii 1227 goda [Historical context of the Cuman Catholic bishopric foundation in 1227]. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia, 7*, 111–139. (In Russian).

Hautala, R. (2016). Ot Batu do Dzhanibeka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shei i Vengriei (1) [From Batu to Janybek: Military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (1)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review, 4*(2), 272–313. (In Russian).

Haw, S. G. (2013). The Mongol Empire — the first "gunpowder empire"? *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series, 23*(3), 441–469.

Holmgren, J. (1986). Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate. *Journal of Asian History, 20*, 127–192.

Hope, M. (2016). *Power, politics, and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford Univ. Press.

Izmailov, I. (2009). Pokhody v Vostochnuiu Evropu 1223–1240 gg. [The Eastern European campaigns of 1223–1240]. In M. Usmanov (Ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen,* (Vol. 3) *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v.* (pp. 133–161). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).

Jackson, P. (2005a). *The Mongols and the West, 1221–1410.* Pearson Longman.

Jackson, P. (2005b). The Mongols and the faith of the conquered. In R. Amitai, & M. Biran (Eds.). *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* (pp. 245–290). Brill,

Jackson, P. (2012). Franciscans as papal and royal envoys to the Tartars, 1245–1255. In M. J. P. Robson (Ed.). *The Cambridge companion to Francis of Assisi* (pp. 224–239). Cambridge Univ. Press.

Jackson, P. (2016). Testimony of the Russian Archbishop Peter concerning the Mongols (1244/5): Precious intelligence or timely disinformation? *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series, 26*(1–2), 65–77.

Jackson, P. (2017). *The Mongols and the Islamic world: From conquest to conversion*. Yale Univ. Press.

Kamola, S. (2015). History and legend in the Jāmi' al-tawārikh: Abraham, Alexander, and Oghuz Khan. *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series, 25*(4), 555–577.

Khoroshkevich, A. L., & Pliguzov, A. I. (1989). Rus' XIII stoletiia v knige Dzh. Fennela [13th century Russia in J. Fennell's book]. In Dzh. [= J.] Fennel. *Krizis srednevekovoi Rusi, 1200–1304* (pp. 5–27). Progress. (In Russian).

Khrustalev, D. G. (2015). *Rus' i mongol'skoe nashestvie* [Rus' and the Mongol invasion]. Evraziia. (In Russian).

Kim, H. (2005). A reappraisal of Güyüg Khan. In R. Amitai, & M. Biran (Eds.). *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* (pp. 309–338). Brill.

Kliashtornyi, S. G., & Sultanov, T. I. (2004). *Gosudarstva i narody evraziiskikh stepei: drevnost' i srednevekov'e* [States and peoples of the Eurasian steppes: Antiquity and the Middle Ages]. Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Kloss, B. M. (2001). *Izbrannye trudy* [Selected works], (Vol. 2) *Ocherki po istorii russkoi agiografii XIV–XVI vekov. Agiografiia Moskvy, Tveri, Iaroslavlia, Suzdalia. Skazaniia o chudotvornykh ikonakh* [Essays on the history of Russian hagiography of the 14th–16th centuries. Hagiography of Moscow, Tver, Yaroslavl, Suzdal. Legends about miraculous icons]. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).

Kneepkens, C. H. (1979). Randbemerkungen zum Text der *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi. *Mittellateinisches Jahrbuch, 14*, 273–277. (In German).

Kondakov, N. P. (1896). *Russkie klady* [Russian treasures] (Vol. 1). Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov. (In Russian).

Korobeinikov, D. (2008). A broken mirror: The Kipchak world in the thirteenth century. In F. Curta (Ed.). *The other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans* (pp. 379–412). Brill.

Korobeinikov, D. (2014). *Byzantium and the Turks in the thirteenth century*. Oxford Univ. Press.

Kovács, Sz. (2005). Bortz, a Cuman chief in the 13th century. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica, 58*(3), 255–266.

Kradin, N. N., & Skrynnikova, T. D. (2006). *Imperiia Chingis-khana* [Empire of Genghis Khan]. Vostochnaia literatura. (In Russian).

Krivosheev, Iu. V. (2015). *Rus' i mongoly: Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoi Rusi XII–XIV vv.* [Rus' and Mongols: Research on the history of North-Eastern Rus' 12th–14th centuries]. Akademiia issledovaniia kul'tury. (In Russian).

Kychanov, E. I. (2002). O nekotorykh obstoiatel'stvakh pokhoda mongolov na zapad (po materialam "Iuan shi") [On some circumstances of the march of the Mongols to the west (based on the materials of 'Yuan shi')]. *Tiurkologicheskii sbornik 2001* (pp. 75–83). Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Lenhoff, G. (1997). *Early Russian hagiography: The lives of Prince Fedor the Black*. Harrassowitz.

Likhachev, D. S. (1963). K istorii slozheniia "Povesti o razorenii Riazani Batyem" [Towards the history of composition of "The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu"]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 god* (pp. 48–51). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

Lippard, B. G. (1984). *The Mongols and Byzantium, 1243–1341* (PhD Dissertation, Indiana University).

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020). *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi* [The dynastic world of pre-Mongol Rus']. Izdatel'stvo Olega Abyshko. [In Russian].

Lobakova, I. A. (1993). Problema sootnosheniia starshikh redaktsii "Povesti o razorenii Riazani Batyem" [The problem of the correlation of older versions of the "Tale of the Destruction of Ryazan"]. In D. S. Likhachev (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 46, pp. 36–52). Nauka. (In Russian).

Lobakova, I. A. (2005). Zametki po tekstologii "Povestei o Nikole Zarazskom" (Otklik na kontseptsiiu B. M. Klossa) [Notes on the textual criticism of the "Tales of Nikola Zarazsky" (Response to the concept of B. M. Kloss)]. In S. A. Semiachko (Ed.). *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Publikatsii. Polemika* (pp. 761–784). Dmitrii Bulanin. (In Russian).

Lobakova, I. A. (2006). K polemike o sootnoshenii "Povesti o razorenii Riazani Batyem" so Slovom o zhitii i prestavlenii Dmitriia Ivanovicha i Povest'iu o nashestvii Tokhtamysha [Towards the polemic about the relationship between the "Tale of the Ruin of Ryazan by Batu" with the "Word about the Life and Death of Dmitry Ivanovich" and the "Tale of the Invasion of Tokhtamysh"]. In O. V. Tvorogov (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 57, pp. 519–542). Nauka. (In Russian).

Lubsangdorji, J. (2010). The *Secret History of the Mongols* in the mirror of metaphors (3). Venus of the Khorchin Mongols and Etügen. *Mongolo-Tibetica Pragensia, 3*(1), 61–104.

Maiorov, A. V. (2014). The daughter of a Byzantine Emperor — the wife of a Galician-Volhynian Prince. *Byzantinoslavica, 72*(1–2), 188–233.

Maiorov, A. V. (2015). The alliance between Byzantium and Rus' before the conquest of Constantinople by the crusaders in 1204. *Russian History, 42*(3), 272–303.

Maiorov, A. V. (2015). Ecumenical Processes in the mid-13th century and the first union between Russia and Rome. *Zeitschrift für Kirchengeschichte, 126*, 11–34.

Maiorov, A. V. (2018). Church-union negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237. *Orientalia Christiana Periodica, 84* (2), 385–405.

Maiorov, A. V. (2020), The Rus Archbishop Peter at the first council of Lyon. *Journal of Ecclesiastical History, 71*(1), 20–39.

Maiorov, A. V. (2021a). Diplomacy, war, and a witch: Peace negotiations before the Mongol invasion of Rus'. In A. V. Maiorov, & R. Hautala (Eds.). *The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe* (pp. 36–81). Routledge.

Maiorov, A. V. (2021b). The first Mongol invasion of Europe: Goals and results. *Journal of the Royal Asiatic Society.* (Forthcoming).

Maiorov, A. V. (2021c). The Mongol conquest of Rus'. In T. May, & M. Hope (Eds.). *The Mongol world*. Routledge. (Forthcoming).

Maiorov, A. V. (Forthcoming). "They intend to come and attack Rome…": The real and sacred space of the Mongol conquests.

Martin, H. D. (1950). *The rise of Chingis Khan and his conquest of North China*. Johns Hopkins Univ. Press.

May, T. (1996). *Chormaqan Noyan: The first Mongol military governor in the Middle East* (Master's Thesis, Indiana University).

May, T. (2018). *The Mongol empire*. Edinburgh Univ. Press.

Mazurov, A. B. (2020). Sushchestvovala li v XIII–XV vv. chudotvornaia ikona Nikoly Korsunskogo (Zaraiskogo)? [There was the miraculous icon of Nikola Korsunsky (Zaraisky) in the 13–15th centuries, wasn't there?]. *Paleorosiia. Drevniaia Rus' vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh, 2020*(1(12)), 140–158. (In Russian).

Melville, Ch. (1999). *The fall of Amir Chupan and the decline of the Il-Khanate, 1327–1337: A decade of discord in Mongol Iran*. Indiana Univ., Research Institute for Inner Asian Studies.

Mirgaleev, I. (2016). Dzhuchi — pervyi pravitel' ulusa [Jochi — the first ruler of the Ulus]. In I. Mirgaleev, & R. Hautala (Eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* (pp. 72–77). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).

Miyawaki-Okada, J. (2007). The role of women in the imperial succession of the nomadic empire. In V. Veit (Ed.). *The role of women in the Altaic world: Permanent International Altaistic Conference, 44th Meeting, Walberberg, 26–31 August 2001* (pp. 143–149). Harrassowitz.

Mongait, A. L. (1961). *Riazanskaia zemlia* [Ryazan land]. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian).

Morgan, D. O. (1986). The "Great Yasa" of Chingiz Khan and Mongol law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 49*(1), 163–176.

Morgan, D. O. (2005). The "Great Yasa of Chinggis Khan" Revisited. In R. Amitai, & M. Biran (Eds.). *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* (pp. 291–308). Brill.

Mostaert, A., & Cleaves, Fr. W. (1952). Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes. *Harvard Journal of Asiatic Studies, 15*(3–4), 419–506.

Özcan, A. T. (2017). *Mogol-Rus Iliskileri (1223–1341)*. Türk Tarih Kurumu. (In Turkish).

Pelliot, P. (1963). *Notes on Marco Polo* (Vol. 2). Imprimerie Nationale. (In French).

Pelliot, P. (1973). *Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*. Imprimerie nationale. (In French).

Plezia, M. (1970). L'apport de la Pologne à l'exploration de l'Asie Centrale au milieu du XIIIe s. *Acta Poloniae Historica, 22*, 18–35. (In French).

Pochekaev, R. (2016). Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid states of the 13th–14th centuries: Legal code or ideal "law and order"? *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review, 4*(4), 724–733.

Popov, P. A. (2019). Pervye letopisnye upominaniia o Voronezhe v kontekste kompleksnogo izucheniia drevnei toponimiki [The first chronicle mentions of Voronezh in the context of a comprehensive study of ancient toponymy]. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk, 2019*(4(21)), 88–99. (In Russian).

Poppe, A. (1985). K nachal'noi istorii kul'ta sv. Nikoly Zarazskogo [Towards the initial history of the cult of St. Nikola Zarazsky]. In D. C. Waugh (Ed.). *Essays in honor of A. A. Zimin* (pp. 289–304). Slavica. (In Russian).

Poppe, N. (1957). Eine mongolische Fassung der Alexandersage. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 107*, 105–129. (In German).

Porsin, A. (2020). Anti-Jochid motives in "The Secret History of the Mongols". *Medieval History of Central Eurasia, 2020*(1), 95–106.

Pow, S. (2019). Hungary's castle defense strategy in the aftermath of the Mongol invasion (1241–1242). In T. Tkalčec, T. Sekelj Ivančan, S. Krznar, & J. Belaj (Eds.). *Fortifications, defence systems, structures and features in the past* (pp. 239–250). Institute of archaeology.

Pow, S., & Laszlovszky, J. (2019). Finding Batu's hill at Muhi: Liminality between rebellious territory and submissive territory, earth and heaven for a Mongol prince on the eve of battle. *Hungarian Historical Review, 8*(2), 261–289.

Priakhin, A. D., & Tsybin, M. V. (1991). Drevnerusskoe Semilukskoe gorodishche XII–XIII vv. na r. Don (Itogi raskopok 1984–1986 gg.) [Old Russian Semilukskoye settlement of the 12th–13th centuries on the River Don (Results of excavations 1984–1986)]. In A. G. D'iachenko (Ed.). *Arkheologiia slavianskogo Iugo-Vostoka* (pp. 93–106). Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).

Priakhin, A. D., & Tsybin, M. V. (1996). Drevnerusskoe Semilukskoe gorodishche (Materialy raskopok 1987–1993 gg.) [Old Russian Semilukskoe settlement (Materials of Excavations 1987–1993)]. In A. D. Priakhin (Ed.). *Na Iugo-Vostoke Drevnei Rusi: Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia* (pp. 29–62). Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).

Prokhorov, G. M. (1974). Povest' o Batyevom nashestvii v Lavrent'evskoi letopisi [The Tale of the Batu Invasion in the Laurentian Chronicle]. In D. S. Likhachev (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 28, pp. 77–98). Nauka. (In Russian).

Ratchnevsky, P. (1987). Die Rechtsverhältnisse bei den Mongolen im 12.–13. Jahrhundert. *Central Asiatic Journal, 31*(1/2), 64–110. (In German).

Ratchnevsky, P. (1993). *Genghis Khan: His life and legacy*. Wiley-Blackwell.

Rudakov, V. N. (2014). *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov* [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes]. Kvadriga. (In Russian)

Ruotsala, A. (2001). *Europeans and Mongols in the middle of the thirteenth century: Encountering the Other*. Finnish Academy of Science and Letters.

Rykin, P. O. (2003). Mongol'skaia kontseptsiia rodstva kak faktor otnoshenii s russkimi kniaz'iami: sotsial'nye praktiki i kul'turnyi kontekst [Mongol concept of kinship as a factor in relations with Rus' princes: Social practices and cultural context]. In S. G. Kliashtornyi, & I. V. Kul'ganek (Eds.). *Mongolica-VI* (pp. 28–38). Peterburgskoe vostokovedenie (In Russian).

Sălăgean, T. (2016). *Transylvania in the second half of the thirteenth century: The rise of the congregational system*. Brill.

Sarnowsky, J. (1994). The Teutonic Order confronts Mongols and Turks. In M. Barber (Ed.). *The military orders: Fighting for the faith and caring for the sick* (pp. 253–262). Ashgate.

Shebanin, G. A. (2005). Istoricheskaia geografiia zapadnoi chasti Riazanskogo kniazhestva XII — nachala XVI v. [Historical geography of the Western part of the Ryazan Principality of the 12th — early 16th centuries]. In A. V. Chernetsov (Ed.). *Velikoe kniazhestvo Riazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniia i materialy* (pp. 458–479). Pamiatniki istoricheskoi mysli. (In Russian).

Sinor, D. (2002). Le rapport du Dominicain Julien écrit en 1238 sur le péril mongol. *Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 146*(4), 1153–1168. (In French).

Spinei, V. (2009). *The Romanians and the Turkic nomads North of the Danube delta from the tenth to the mid-thirteenth century*. Brill.

Subtelny, M. E. (2011). The binding pledge (*möchälgä*): A Chinggisid practice and its survival in Safavid Iran. In C. P. Mitchell (Ed.). *New perspectives on Safavid Iran: Empire and society* (pp. 9–29). Routledge.

Székely, Gy. (1988). Egy elfeledett rettegés: a második tatárjárás a magyar történeti hagyományokban és az egyetemes összefüggésekben. *Századok, 122*, 52–88. (In Hungarian).

Tanase, T. (2013). *'Jusqu'aux limites du monde': la papauté et la mission franciscaine, de l'Asie de Marco Polo à l'Amérique de Christophe Colomb*. École française de Rome. (In French).

Togan, I. (1998). *Flexibility and limitation in Steppe formation: The Kerait Khanate and Chinggis Khan*. Brill.

Trepavlov, V. (2016a). Obrazovanie Ulusa Dzhuchi [Formation of Ulus Jochi]. In I. Mirgaleev, & R. Hautala (Eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* (pp. 137–147). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).

Trepavlov, V. (2016b). Administrativnoe ustroistvo. Organizatsiia upravleniia [Administrative device. Organization of management]. In I. Mirgaleev, & R. Hautala (Eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* (pp. 148–157). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).

Uzelac, A. (2020). Saint Louis and the Jochids. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review, 8*(4), 662–674.

Vásáry, I. (2005). *Cumans and Tatars: Oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge Univ. Press.

Vashalomidze, S. (2012). Mongol invasions in the Caucasus and the Georgian source *Kartiis cxovreba*. In J. Tubach, S. G. Vashalomidze, & M. Zimmer (Eds.). *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* (pp. 309–320). Reichert Verlag.

Veselovskii, N. I. (1916). O religii tatar po russkim letopisiam [About the religion of the Tatars according to Russian chronicles]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia, New Ser., 64*, 81–101. (In Russian).

Weatherford, J. (2010). *The secret history of the Mongol queens: How the daughters of Genghis Khan rescued his empire*. Crown.

Wing, P. (2016). *The Jalayirids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East*. Edinburgh Univ. Press.

Yourtchenko, A. (1998). Ein asiatisches Bilderrätsel für die westliche Geschichtsschreibung. Ein unbekanntes Werk aus dem 13. Jahrhundert (der "Tschingis Khan Roman"). *Zentralasiatische Studien, 28*, 45–85. (In German).

Yourtchenko, A., et al. (2002). *Khristianskii mir i "Velikaia Mongol'skaia imperiia": Materialy frantsiskanskoi missii 1245 goda* [Christendom and the "Great Mongol Empire": Materials of the Franciscan mission of 1245]. Evraziia (In Russian).

Zagorovskii, V. P. (1977). *O drevnem Voronezhe i slove "Voronezh"* [About ancient Voronezh and the word 'Voronezh']. Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).

Zhao, G. Q. (2008). *Marriage as political strategy and cultural expression: Mongolian royal marriages from world empire to Yuan Dynasty*. Peter Lang.

Zhilina, T. V. (2020). *Drevnerusskie klady IX–XIII vv.: Klassifikatsiia, stilistika i khronologiia ukrashenii* [Old Russian hoards of the 9th–13th centuries: Classification, style and chronology of jewelry]. URSS. (In Russian).

Zimonyi, I. (2014). The Mongol campaigns against Eastern Europe. In I. Zimonyi. *Medieval nomads in Eastern Europe: Collected studies* (pp. 325–352). Brăila.

* * *

Информация об авторе

Александр Вячеславович Майоров
доктор исторических наук
профессор, заведующий кафедрой музеологии, Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
Тел.: +7 (812) 323-52-06
✉ *a.v.maiorov@gmail.com*

Information about the author

Alexander V. Maiorov
Dr. Sci. (History)
Professor, Head of the Department of Museology, St. Petersburg State University
Russia, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya Emb., 7/9
Tel.: +7 (812) 323–52–06
✉ *a.v.maiorov@gmail.com*